

Ричмонд Джеймс Евгений Александрович

КВАНТ БЕССМЕРТИЯ



Акт I «Искра»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

18+

Джеймс-Евгений Ричмонд

Квант Бессмертия. Акт I "Искра"

«Автор»

2026

Ричмонд Д. А.

Квант Бессмертия. Акт I "Искра" / Д. А. Ричмонд — «Автор»,
2026

Иногда одно знание способно изменить жизнь человека. Иногда — историю науки. А иногда его последствия невозможно остановить. СССР, конец 1980-х. Артур Керин — молодой физик, ещё не подозревающий, куда приведёт его попытка понять природу случайности. После катастрофы он сталкивается с вопросом, который постепенно становится главным вопросом его жизни: может ли наблюдатель оказаться неспособным пережить собственную смерть? С этого начинается путь, который приведёт его далеко за пределы университетских кабинетов, привычной физики и самого времени, которому он принадлежит. «Квант бессмертия. Акт I. Искра» — первой книга научно-фантастической трилогии о границах человеческого знания, природе реальности и цене бессмертия.

© Ричмонд Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Искра	5
Глава 2. Новый мир	35
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Квант Бессмертия. Акт I "Искра"

Глава 1. Искра

Омск, январь 1986 года. Плотный снег валил с неба так, как будто Кто-то наверху решил залепить город ватой. Пивная на пересечении улицы Ленина и тихого переулочка дышала весьма насыщенным теплом: ароматы свежего солода и жареной кильки, запахи перегретой советской батареи и дешёвого табака... Сквозь запотевшие стёкла окон различные по-своему причудливые тени толкались, смеялись, спорили. За одним из столов, возле облупленной колонны с наклеенным плакатом «Сдача стеклотары — долг каждого гражданина!», сидели пятеро: доценты Артур Керин, Виктор Белов, Николай Щербаков; седовласый профессор Соколов и молодой ассистент с напряжённым, словно испуганным взглядом, по фамилии Яшин.

На столе теснились пузатые кружки с «Жигулёвским», глубокая тарелка с килькой, луковые кольца, ломти чёрного хлеба и горчица, которая всё время норовила завалиться набок или даже упасть на пол. Шум в этом пространстве стоял такой, что казалось, будто стены дышат вместе с посетителями зала.

— Товарищи, — Виктор поднял кружку, и янтарная пена перебежала через её край, — за то, чтобы наука наконец-то победила бухгалтерию!

— И за то, чтобы отопление в нашем корпусе победило зиму, — буркнул Николай. — Сегодня утром в лаборатории было +14. Мыши в виварии стали политически озлобленными.

— Это потому что их заставляют читать «Правду», — усмехнулся Соколов. — Станешь тут добрым!

Чокнулись. Пиво было тёплым, чуть кислым — то, что надо после дня, когда ректорат вежливо предложил «ещё немножко подождать с финансированием».

— Артур Евгеньевич, — заговорил Яшин, аккуратно подцепляя кильку своей вилкой, — а вы уверены, что наш проект... ну... тот самый... что он вообще кому-то нужен в Москве?

Керин сделал глоток, поставил кружку на стол настолько аккуратно, как будто устанавливал научный прибор на микрошкалу.

— Проект нужен не Москве, а физике; и нам! Нестабильные состояния, их распад, статистика редких событий... Мы нашли метод описывать таковые не хуже, чем исследователи в Дубне. Принципиальный вопрос только в том, поверят ли нам те, кто привык верить исключительно печатям.

— В канцелярские печати, — подхватил Николай, — у нас верят охотнее, чем в содержание печатных изданий. — Он хохотнул собственной шутке и почти сразу же посерьёзnel. — Мой двоюродный брат в Афганистан улетел. Пишет: «Николаич, тут горы как в кино, а люди — как будто из камня». Молодой совсем, девятнадцать лет. Мать из-за этого ночами не спит.

— У меня племянника забрали, — вздохнул Виктор. — Ему говорили: «Служба — это честь». Он деликатно отвечал: «А можно честь без Афганистана?».

— Политика, — Соколов откинулся на спинку стула, — это такая сфера, которая гораздо сложнее наших интегралов. В ней переменных больше, чем в нашей работе, и ни одной константы.

— А вот и неправда!, — оживился Николай. — Анекдот слышали? Почему у нас дефицит? Потому что в СССР три беды: весна, лето и зима. Весной — сев, летом — уборка, зимой — отчётность. — Он выдержал лёгкую паузу. — А осенью — охота на виноватых.

Стол взорвался надрывным смехом товарищей, в котором отнюдь не было добродушия и, тем более, понимания тех представителей партийной номенклатуры, от которых перечисленные процессы напрямую зависели. Официантка — рыжая, нарочито строгая, с надписью «Галя» на значке — покосилась на компанию, но восприняла её поведение в качестве нормы: смех в этой пивной был такой же привычной частью интерьера, как и облупленная штукатурка.

— Ладно, — произнёс Виктор, вытирая пену со своих усов. — Вернёмся к нашему проекту. Артур, если серьёзно:

у нас есть расчёты, имеются экспериментальные прикидки, есть даже письмо поддержки от старика Копылова... Тем не менее, в министерстве ответили: «Тема перспективная, но в текущем 5-летнем плане приоритет за прикладными задачами». Иначе говоря, большее внимание уделяется отверстиям в вёдрах.

— Прикладным вёдрам, — повторил Яшин и нервно захихикал.

Артур смотрел на своих друзей и чувствовал знакомое жжение под грудиной, спровоцированное смесью природного упрямства и почти детской обиды.

— Если не дадут денег, то всё равно будем продолжать. Медленнее, но будем. Есть ещё один вариант — отправить статью в Москву, минуя местный комитет. Пусть даже поругают нашу методику, но главное, что вообще прочитают.

— Прочитают, — хмыкнул Соколов. — А потом позвонят сюда: «Товарищи, у вас самодеятельность». У нас же всё как в физике: если система замкнутая, то работа не совершается.

— Ещё анекдот, — подчёркнуто выразительно поднял свой палец Николай. — На заседании Политбюро спрашивают: «Что будем делать с очередями?». Ответ: «Увеличим производство плакатов “Очередей нет!”».

Галя, появившись словно из ниоткуда, поставила на стол ещё две кружки. — Мужчины, поаккуратнее с анекдотами, — произнесла она вполголоса. — Стены у нас тонкие, да и разных других столиков вокруг много.

— Стены у нас в Стране не тонкие, — серьёзно ответил Николай. — А вот уши бывают длинные.

Вслед за этой фразой снова раздался смех практически всех коллег в унисон. Артур поймал себя на том, что тоже смеётся вместе со всеми. Именно эта эмоция освобождала его душу сейчас от излишнего напряжения — как скрупулёзная чистка лабораторного прибора открывает тому простор для более точных наблюдений и измерений. Однако, буквально через несколько минут к Керину вернулось то же само ощущение: время уходит... Тридцать два года — не

мальчик. Менделеев в его возрасте уже пропах порохов своей таблицы, Ландау катался по уровням как по горке; а он, Артур Керин, гражданин и учёный самой большой и самой мощной Страны в мире, — сдувает в пивной пену с кружки и учит Яшина не путать интегралы Лапласа с Фурье.

— Артур, — Виктор заметил, как тот замолчал, — а расскажи-ка нам ещё раз про свою любимую интерпретацию ... как её... много...

— Многомировую, — подсказал Яшин.

— Вот. Как раз про неё. — Не унимался Белов. — Мне тут недавно один аспирант задал вопрос: если миров много, то есть ли такой, где у нас адекватная зарплата?

— Есть, — сухо ответил Артур, — но доступ к нему перекрыт месткомом.

Смех за столом последовал громкий, но короткий. Артур продолжил уже серьёзным тоном:

— Суперпозиция — это не сказка, а математика. «Кошка Шрёдингера» — отнюдь не про кошек, а про состояние системы до измерения. Пока нет наблюдения, система описывается волновой функцией, набором вероятностей. Часть специалистов считает, что в процессе измерения всё схлопывается, и рождается единственный исход. Эверетт же сформулировал иначе: волновая функция не схлопывается, а разветвляется. Все исходы реальны, просто мы живём только в одном из них.

— Иначе говоря, где-то есть мир, в котором я не женился на своей Ларисе? — неожиданно для самого себя выразил свои мысли вслух Николай.

— Где-то есть мир, где Лариса не женилась на тебе, — без лишних официальных эвфемизмов изрёк Виктор.

— А существует ли мир, в котором у нас на кафедре новые осциллографы? — поддержал общее любопытство Яшин.

— Обязательно, — подтверждающе кивнул Артур, — и ещё есть мир, где «Жигулёвское» холодное не только зимой.

— Так вот почему его нигде не найти! — театрально всплеснул руками Николай.

Про Афганистан заговорили снова, но уже деликатнее, осторожнее, будто боялись потревожить чей-то тонкий нерв.

— Племянник пишет, — сказал Виктор, — что там, в горах ночь раздаётся как железо. Слышно, как луна скрипит. Ребята робеют, но держатся. Командир у них толковый, учит их не геройствовать понапрасну. Говорит: «Герой — это тот, кто выжил».

— Когда-то героем считался тот, кто погиб, — тихо заметил Соколов. — Цивилизация меняется.

— А мы? — спросил Артур скорее самого себя, чем присутствующих за столом. — Мы меняемся?

— Мы пьём одно и то же пиво, — флегматично ответил Николай, — и продолжаем обсуждать вещи, которые решают без нас. Политика — это как квантовая механика: чем пристальнее на неё смотришь, тем меньше в ней обнаруживаешь смысла.

— Не совсем, — возразил на это Артур. — В физике хотя бы есть красота.

Галя принесла тарелку недавно пожаренного картофеля. От его быстро разносящегося вкусного запаха у всех товарищей заурчало в животе.

— Мужчины, — снова вмешалась она в их достаточно активный полилог, — вам бы не только мировые проблемы решать, но и по домам вовремя расходиться. Ваши жёны мне «спасибо» точно не скажут.

— Моя скажет, — уверенно откликнулся на прозрачный намёк Николай. — Она любит, когда я добрый. А добрым я бываю только после третьей кружки.

— А твоя, Артур? — спросил Виктор. — Елена всё так же играет на пианино, сводя с ума соседей?

Артур широко улыбнулся и изрёк:

— Играет и даже иногда улыбается, когда я прихожу раньше десяти.

— Значит, пей не спеша, а с душою..., — резюмировал Соколов.

Коллеги дружно ели картошку, сдобренную укропом и маслом, заедали её чёрным хлебом и — временами серьёзно, а временами полушутя — дискутировали о том, есть ли у обозначенной теории вероятность попасть в «Теоретическую и математическую физику». Помимо этого, они достаточно эмоционально вспоминали свои студенческие годы, когда им казалось, что наука — это лестница, по которой с одинаковой скоростью поднимаются все. Теперь же лестница представлялась скорее эскалатором, который двигался вниз, а им приходилось, словно опережая само время, бежать вверх.

— Слышали свеженький? — спросил вдруг Яшин, несколько смущённо поглядывая на Галю, стоявшую уже в стороне. — Почему советские телевизоры такие тяжёлые? Потому что гражданину следует помнить: нести идеологию нелегко.

— Запиши-ка это в раздел «Научный юмор» в заявке, — подмигнул Виктор. — Может быть, смягчит сердца заседающих в комитете.

— В комитете сердца заменены на счётчики, — сказал как отрезал Соколов. — Тем не менее, шутить нужно. Юмор — это способ выживания. Даже у электронов есть спин, а у нас — смех.

Артур допил кружку, действительно, не спеша, чувствуя, как по животу расплзается тёплая усталость. Однако, под этой усталостью скрывалась достаточно напряжённая пружина. Сегодняшний отказ — это ещё не приговор. Он уже видел, как можно обойти рутину: собрать подписи, отправить в Москву копии расчётов напрямую, подключить старых знакомых по конференциям. Керин визуализировал, как строки формул складываются в мост. Ему оставалось только пройти по нему, не оглядываясь на тех, кто сверху бросает камни.

— Мужики, — он собрался с новыми силами, как мог, — вот что. Завтра пересоберём расчёты по разделу нестабильных состояний. Я перепишу вступление — так, чтобы

поменьше философии, побольше цифр. Отдельно оформим приложение с экспериментальными возможностями. Виктор, попробуй достать время на осциллограф у радиофизиков. Николай, свяжись с Комитетом по изобретениям: вдруг у них найдётся «окно». Яшин, готовь графики, и отдельно — черновик письма в Москву. Напрямую. Без посредников.

— Без посредников? — Николай даже присвистнул. — Люблю, когда учёные становятся смелыми!

— Это — не смелость, — спокойно ответил Артур. — Это — инерция. Если долго толкать систему, то она начинает двигаться сама.

— Слышали? — Соколов поднял кружку. — За инерцию системы и за то, чтобы потенциал не оказался обманчивым!

— И за то, чтобы Эверетт оказался прав — хотя бы в том мире, где нам дадут финансирование! — приободрившись, громко добавил Виктор.

Товарищи пригубили ещё по одной кружке. В этот момент за соседним столом кто-то затынул басом: «Широка страна моя родная...», другие подхватили, и на секунду показалось, что пивная стала маленьким тёплым вагоном, мчащимся неизвестно куда, но зато со всеми вместе.

Галя, собирая пустые тарелки, наклонилась и сказала тихо, почти по-доброму:

— Идите домой пораньше. Ночь нынче скользкая. Не хватало того, чтобы вы поскользнулись и сломали свои... как это у вас... теории.

— Теории у нас не ломаются, — заверил её Николай. — Ломаются только нервы.

Коллеги почти одновременно поднялись из-за общего стола. На улице снег шёл ещё более плотный, чем раньше, фонари расплывались жёлтыми коронами на фоне тёмного неба. Мужчины надели свои шапки, застегнули пальто. На прощание обнялись друг с другом — не слишком крепко, но искренне.

— Завтра, — сказал Артур, — в 16:00.

— Завтра в 16:00, — утвердительно кивнул Виктор.

* * *

Утро выдалось сухим и звенящим: -25°C. Небо повисло надо всеми тугое и низкое — как натянутая брезентовая крыша. Снег, перемолотый колёсами трамваев, лежал серыми валами вдоль путей; стальные колёса скрежетали где-то за кварталом. Артур Керин продвигался быстрым шагом по проспекту, дышал паром, пальцами через перчатки прощупывал ремешок портфеля — внутри, помимо тетрадей, бултыхались два полнотелых бруска мела и кусок замши для быстрой протирки доски. На перекрёстке виднелась бетонная остановка с облупленной

эмалью, на щите расписание 9-го трамвая; двое студентов в ватниках задорно спорили о том, вернут ли «Кандидата» с Редфордом в прокат.

Старый корпус ОмГУ имени Достоевского встретил Артура скрипом массивных дверей и сухим теплом батарей. Мраморные ступени у входа были засыпаны грязным песком от множества уже прошедших ног; за стойкой гардероба женщина с аккуратно уложенной «химией» позвякивала номерками. Керин сдал ей своё пальто, прошёлся по коридору: линолеум расцарапан следами каблучков; пахнет мелом, полиролем и немного — табаком из курилки у лестницы. На стене под застеклённой рамкой висит план эвакуации, рядом торжественно возвышается щит с портретами отличников: фамилии, знакомые по зачёткам...

Физический факультет занимал левое крыло университета. Аудитория 203 — высокая, с тремя рядами широких досок на салазках (нижняя — серая от многолетней меловой пыли).

Отчётливо видны экран для эпидиаскопа, стол демонстратора, а на нём — катушки, солениоид и старый осциллограф с зелёным глазком. Стену украшают портреты гениев классической науки: Менделеев, Шрёдингер, Ландау... Чуть поодаль них скромно оттеняется рамка с «Правилами техники безопасности при проведении лабораторных работ».

Артур первым делом проверил тряпку («влажная — хорошо»), положил на край кафедры мел, протёр центральную панель доски, чтобы не пылила, и уверенной рукой вывел крупные буквы: «СУПЕРПОЗИЦИЯ ВОЛНОВОЙ ФУНКЦИИ $\psi(x,t)$ ».

Пока аудитория наполнялась — хлопанье дверей, смешки — он поставил стрелочные часы на кафедре (45 минут), раскрыл тетрадь со своим авторским конспектом и ещё минуту просто постоял, слушая, как ровно гудит здание: вентиляция, редкий щелчок отопления...

— Товарищи, — произнёс Керин, не повышая голоса, и шум сразу улетучился, — сегодня у нас не «ещё одна тема». Сегодня в центре внимания «сердце» квантовой механики. То, почему классическая интуиция даёт сбой, — суперпозиция и описание состояния через волновую функцию.

Он взял мел и начертил аккуратную горизонталь: ось X , поверх неё — колоколообразную кривую.

— Волновая функция $\psi(x,t)$ — это особая функция, содержащая все сведения о прошлом настоящем и будущем объекта. Правило Борна: $|\psi(x,t)|^2$ — плотность вероятности обнаружить частицу в окрестности x в момент t . Первое требование — нормировка: $\int |\psi|^2 dx = 1$.

Доцент сделал акцент на слове «нормировка», оглядел ряды:

— Нам важно помнить следующее: квантовое состояние — это вектор в гильбертовом пространстве. Измерение же — не просто «взгляд», а проекция на собственное состояние оператора.

На первом ряду потянулась вверх рука: высокий, худой, в аккуратном свитере. Кудрявцев Алексей. Тот самый, кто задаёт вопросы «в лоб».

— Артур Евгеньевич, — быстро заговорил он, — а можно без слов «гильбертово»? Что мы фактически делаем, когда «измеряем»?

— Хорошо, — улыбнулся Артур. — Фактически мы находим систему в одном из собственных состояний оператора наблюдаемой. До измерения состояние — это суперпозиция собственных состояний с амплитудами c_n . Вероятность получить собственное значение a_n равна $|c_n|^2$. После этого состояние «падает» в соответствующий вектор. Именно это и называется «схлопыванием».

Керин достал из ящика две деревянных подставки и поставил на стол компактную установку: две щели, экранированная пластина — учебная модель «двухщелевого опыта».

— Классики утверждают: если частица — это «шарик», то интерференции быть не должно. Однако, электрон, прошедший через две щели, даёт интерференционную картину даже в том случае, если посылать по одному за раз. Что это значит? Это означает, что его состояние представляет собою суперпозицию путей. Пока вы не строите детектор «через какую

цель», интерференция есть. Поставили детектор — значит, разрушили когерентность; соответственно, и интерференция исчезла.

С дальнего ряда раздалось вполголоса, но достаточно внятно:

— А если мы не смотрим, но «знаем»? — проявилась девушка с тёмной косой. На её столе отчётливо виднелся блокнот с полями, исписанными мелкими формулами.

— «Знаем» — это слишком человеческое слово, — мягко ответил Артур. — Важна возможность получить информацию. Если её можно извлечь на принципиальном уровне, то когерентность нарушается. Ключевое слово — это «декогеренция»: взаимодействие с окружающей средой разрушает суперпозицию.

Он повернулся к доске и написал:

$U(t) = e^{-iHt/\hbar}$ — унитарная эволюция по Шрёдингеру без измерения.

Проекция $P_n = |n\rangle\langle n|$ — «скачок» при измерении в копенгагенской трактовке».

— Две динамики: унитарная — гладкая, обратимая; и проективная — моментальная, необратимая. Это и есть корень споров.

Алексей снова поднял руку:

— Получается, что в реальности «скачка» может и не быть?

Артур кивнул и, не торопясь, написал крупно сбоку: «Интерпретации».

— Согласно копенгагенской теории, скачок соответствует постулату, а измерение — особой процедуре. Если же мы рассматриваем теорию Эверетта (то бишь многомировую теорию), то унитарность никогда не нарушается. Вселенная эволюционирует линейно, состояние измеряемого + прибора расщепляется на ветви, соответствующие исходам. Никакого «мистического» схлопывания. Мы же находимся внутри одной ветви.

Откуда-то с задних рядов раздался звонкий смешок:

— Товарищ преподаватель, а есть ветвь, где в гастрономе колбаса без очереди?

Смех дружно прокатился рядками. Артур улыбнулся, не желая остужать студенческий азарт:

— Есть. Однако, оператор «колбаса» у нас сегодня не эрмитов. — Пауза, дождался, когда смех уляжется. — А если серьёзно: математика допускает совместное существование альтернатив. Физика учит, когда и почему альтернативы интерферируют, а когда — смешиваются друг с другом и ведут себя как обычная вероятность.

Он перелистнул тетрадь, достал распечатанную схему Штерна-Герлаха — чернила на ней чуть расплылись, но стрелки были видны:

— Возьмём пример со спином. Пучок серебра через магнит образует два пятна: $|\uparrow z\rangle$ и $|\downarrow z\rangle$. Отберём верхний и пустим через второй такой же — снова верхний. Однако, если между ними вставить анализатор по X и снова по Z, то верх/низ появятся снова. Почему? По той причине, что

измерение переводит состояние в другой базис, и, соответственно, информация о прежнем исходе теряется. Это — несовместимость наблюдаемых, коммутатор операторов $[S_x, S_z] \neq 0$.

Артур в лаконичной форме вывел на доске коммутатор Паули; мела хватало, поэтому линии получились ровными, без лишней прерывистости.

— В классике порядок измерений безразличен. В квантовой же принципиально важен. С первого ряда от Алексея донеслось:

— А где «граница» между квантовым и макромиром? Почему доска не бывает «в суперпозиции положения»?

Керин ненадолго умолк. Возникла та самая пауза, во время которой аудитория «проваливается» в вопрос.

— Ты правильно выделил акцент. В строгом смысле слова границы вообще нет: формализм один и тот же. Тем не менее, у макросистем чудовищно много степеней свободы; декоге-

рения уничтожает когерентные фазы мгновенно. Суперпозиции есть, но не наблюдаемы: они превращаются в классические смеси быстрее, чем вы успеете моргнуть.

С задней парты раздался слегка встревоженный тихий голос:

— Товарищ преподаватель, а... если всё разветвляется, то это... как-то касается нас? Людей?

— Касается, — ответил Артур абсолютно спокойно. — Однако, сегодня нас интересует аппарат. Мы обязаны уметь считать: выбрать базис, разложить состояние, найти амплитуды, получить вероятности и средние значения: $\langle A \rangle = \langle \psi | \hat{A} | \psi \rangle$. Всё остальное отложим на потом.

Доцент снова повернулся к доске и, как перед семинаром, выстроил «лесенку»:

1. Нормировка ψ .
2. Собственные значения/собственные векторы $\hat{A}$.
3. Разложение $|\psi\rangle = \sum c_n |n\rangle$.
4. $P(a_n) = |c_n|^2$.
5. Эволюция: $|\psi(t)\rangle = U(t)|\psi(0)\rangle$.

— Это — «алфавит». Никакой мистики, только аккуратная математика. Красота же образуется во взаимосвязи теоретической математики с непосредственными опытами.

Он щёлкнул выключателем — коротко погас свет люминесцентных ламп, экран ожил зелёным пятном: начался диафильм с фотографиями интерференции одиночных электронов. Точки, появляющиеся одна за другой, складывались в полосы.

— По одному. Тем не менее, это — всё равно полосы. Состояние — не про незнание, а про устройство.

Электрический свет вернулся. Артур неожиданно вдохнул мелкую пыль, поэтому в носу у него защипало; он сморщился от этого, но, тем не менее, улыбнулся:

— И последнее на сегодня. Мы будем много спорить об интерпретациях. Несмотря на это, пока что договоримся: операторная формулировка, правило Борна, унитарность между измерениями — это каркас. На нём держатся и спектроскопия, и полупроводники, и лазеры, и магнитный резонанс, — всё то, на чём работает наша техника.

С задних рядов кто-то осторожным, почти вкрадчивым голосом произнёс:

— Товарищ преподаватель... а в Афганистане... — студент сбился. — Ну... наши ребята говорят, что «герой — тот, кто выжил». В квантовой механике тоже «выживает» только один исход?

Шум прошёл волной по аудитории, кто-то выпрямился на сиденьях. Артур в ответ на это кивнул достаточно серьёзно:

— В протоколе измерения фиксируется один результат, и мы учимся правильно считать вероятность такового результата. К словам же «кто выжил» мы вернёмся позже — тогда, когда будем беседовать о редких событиях и больших отклонениях. В физике, как и в жизни, важно уметь отличать маловероятное от невозможного.

Когда занятие начало подходить к своему логическому завершению, несколько рук потянулось к тетрадам,

но большинство студентов ожидало, не двигаясь. Артур редко обрывал мысль на половине предложения.

— Домашнее задание, — изрёк он, наконец, после миниатюрной паузы.

— Задача 1: нормировать гауссову $\psi(x)$ и найти $\langle x \rangle$, $\langle p \rangle$ и их дисперсии; показать, что $\Delta x \cdot \Delta p \geq \hbar/2$ достигается на гауссе.

Задача 2: модель двух щелей — два базисных состояния $|L\rangle$, $|R\rangle$, вычислить вероятность в точке экрана для когерентного и некогерентного случая.

Задача 3 (для сильных): триада Штерна-Герлаха z - x - z , проследить состояние спина и объяснить, почему «возвращается» нижний канал.

Последовал смех многих студентов в ответ на акцент «для сильных». Кто-то с задней парты даже театрально застонал. Артур улыбнулся краями губ:

— Алексей, вы идёте ко мне на семинар?

— Да, — не раздумывая и уже закрывая тетрадь, отозвался Кудрявцев, — и... спасибо за то, что «без гильбертовых». Однако..., с гильбертовыми тоже было красиво.

— Рад, что вы это понимаете, — резюмировал Артур.

Аудитория опустела не сразу: пара человек пошла к кафедре переспросить содержание формулировок, кто-то осторожно трогал учебную «двухщелевую» установку. Артур неспешно вытирал доску — широкими горизонтальными движениями, чтобы не размазывать меловую кашу — и смотрел, как опять проступает зелёное, поцарапанное поле. На подоконнике лежала чёрная тряпка, пальцы не хотели к ней тянуться: она впитывала хуже, чем замша.

Когда последний студент вышел за дверь, Керин остался на минуту в тишине. Снизу, через открытое окно, взбадривающе тянуло морозом; где-то в коридоре щёлкнуло радио: кто-то ловил «Маяк». На доске оставалась тонкая белая кайма от терминов формулы «СУПЕРПОЗИЦИЯ ВОЛНОВОЙ ФУНКЦИИ $\psi(x,t)$ ». Артур стёр её костяшками пальцев, и на мгновение ему представилось, что эта пыль — пожалуй, единственное, что удерживает сегодня мир от распада на варианты.

* * *

Вечер в Омске оказался тягуче долгим и тяжёлым, словно само время пыталось замедлиться вместе с коллегами по проекту. За окнами лаборатории серый свет уходил куда-то в ночь, по стеклу окон скользили редкие снежинки. Внутри же было сыро и одновременно душно: пахло нагретым текстолитом, пылью и чуть-чуть — горелой канифолью. На столах стояли старые приборы, лежали разлинованные тетради и аккуратно подписанные папки с черновиками. Эти папки были для Артура и Виктора почти реликвиями — продуктами долгих лет работы, многочисленных измерений, нервных срывов, а также всё новых и новых надежд.

Керин сидел у доски и тщательно выводил мелом формулы. Его движения были сосредоточенными и чёткими — в аккурат, как у человека, который умеет скрупулёзно работать с конкретными цифрами, а не с бесплотными мечтами. Он написал: «Нестабильные состояния. Временные корреляции. Когерентность». Затем, слегка помедлив, доцент подчеркнул слово «когерентность». В глазах у него светилось не воодушевление, а упорство, словно он держался за последний рубеж.

— Артур, — осторожно произнёс Белов, заглянув в таблицу подсчётов. — Опять эта кривая... Она выглядит почти так же, как и год назад. Ты уверен, что мы, действительно, вытащим что-то новое?

Керин обернулся. В его взгляде не было раздражения — только усталость человека, который сто раз отвечал на один и тот же вопрос.

— Виктор, мы этим живём уже больше пяти лет подряд, — сказал он спокойно. — Я не могу позволить себе думать, что всё это зря. Если не покажем результат, — он постучал мелом по доске, — то вся наша работа, все ночи здесь, весь наш шанс хоть немного приблизиться к Москве пойдут прахом.

Виктор пожал плечами. Он был неплохим физиком, но рядом с Артуром казался скорее надёжным подмастерьем, чем генератором идей. Белов умел починить прибор, настроить канал, подкрутить задержку. Однако, инновационная теория, досконально выверяемые модели, смелый поиск ранее неизвестных закономерностей, — всё это исходило именно от Керина.

— Ладно, — продолжил Виктор. — Ты прав. Давай ещё раз. — Он наклонился, проверяя кабель на схеме совпадений. — Только я, всё же, не понимаю: зачем нам столько сил тратить на эту «структуру последовательности»? Разве нельзя ограничиться обычными измерениями распада?

— Нельзя! По той причине, что «обычные измерения» уже никому не нужны, — резко парировал Артур. Затем, смягчив свой голос, добавил: — В Москве это никого не впечатлит. Если же мы продемонстрируем тонкие корреляции, временные отклонения, то это будет новым шагом в Науке, а не просто повторением того, что уже было сделано другими специалистами в Дубне или в Ленинграде. — Он на мгновение выдержал паузу, посмотрел на доску. — Это может быть нашим билетом в Новую Жизнь.

Керин снова повернулся к формуле, объясняя товарищу уже как учитель, — терпеливо и строго:

— Если у нас есть каскадный переход: уровень $A \rightarrow B \rightarrow \rightarrow C$, то распад идёт через два гамма-кванта. Время между ними распределено совершенно не случайно. На коротких промежутках проявляются отклонения, если есть остаточная когерентность. Вот здесь, — он начертил «плечо» на графике, — и здесь. Соответственно, мы можем их зарегистрировать. Однако, только в том случае, если у нас будет на руках адекватный таймер совпадений и кристаллы получше, чем этот музейный «NaI».

Виктор усмехнулся, глядя на мутный цилиндр сцинтиллятора:

— Да, этот, наверное, видел ещё войну.

— Именно, — сухо подтвердил Артур. — Мы же пытаемся доказать им, что Омск всё ещё жив, что мы тоже можем работать на высоком уровне. Не мечтами о параллельных мирах, не философией мы достигнем успеха. — Он решительно и твёрдо повернулся к Виктору. — Только цифрами. Графиками. Всё остальное — просто фантазии. Я не хочу, чтобы меня воспринимали как сказочника.

Он снова включил схему, зелёный луч осциллографа ожил. Щёлкнули реле, зашипела линия. Друзья ждали, пока прибор наберёт статистику. На экране медленно выползала экспонента — ровная, как дорога в никуда. Неожиданно на правом «плече» показался крошечный зубец. Виктор сразу наклонился ближе, оживился.

— Видишь? — воскликнул он. — Может, это и есть оно?

Артур наблюдал абсолютно спокойно. Он прекрасно знал цену поспешным радостям.

— Подожди, — сказал он. — Это может быть перекрытие каналов или дрейф задержки. Давай сделаем холостой прогон.

Коллеги проверили «пустой канал», и зубец исчез. Виктор выдохнул разочарованно; однако, Артур только слегка кивнул, будто ожидал такого результата от опыта.

— Вот так и будет всегда, пока у нас не появится достойное оборудование, — констатировал он. — Мы можем ночами сидеть, ловить фантомы, но без государственной поддержки всё это останется на уровне надежд. — Керин провёл ладонью по лбу, устало выдохнул. — А я не хочу ещё раз похоронить ценную работу; не хочу быть человеком, который всю жизнь просто пишет статьи и получает отказы.

Виктор промолчал. Он знал: Артур не только умный, но и одержимый. Однако, в отличие от различных импульсивных фантазёров, Керин был жёстким реалистом. Он верил только в факты и графики. Вся эта история с «многомировыми интерпретациями», о которых временами спорили

их коллеги на кухнях, его не интересовала. Артур не верил в «сказки». Он хотел реального признания, а не пустых, хоть и по-своему интересных, разговоров.

Коллеги молча продолжили работу: проверяли контакты, меняли окна, фиксировали значения. На стене висели портреты Ландау и Эйнштейна, под ними красовался старый стенд с надписью «Физика — наука будущего». Артур на несколько секунд задержал взгляд на этой надписи. «Будущего...» — повторил он про себя. Для него это будущее висело на волоске. Если завтра ректор не одобрит заявку, а Москва не даст финансирования, то всё закончится. Годы ночных смен, многочисленные черновики статей, воодушевляющие надежды, — всё это пойдёт прахом.

Керин выключил осциллограф, и свет зелёной линии погас. Лабораторная комната погрузилась в полумрак.

* * *

Керин открыл дверь своей квартиры ключом настолько тихо, насколько умел; однако, тугая пружина всё равно хрипло вздохнула, и темень прихожей дрогнула жёлтым прямоугольником: из кухни тянулся электрический свет. В коридоре пахло зимними пальто, порошком «Лотос» и чемто тёплым, домашним — похожим на отваренную гречку. На коврик стояли стоптанные валенки Артура, рядом находились Еленины тёплые тапки с оторванным помпоном.

— Поздно, — произнесла Елена из-за двери кухни. В её голосе не ощущалось укора, а чувствовалась констатация объективного факта.

Артур повесил пальто, аккуратно шапку — на шапку, шарф — на шарф, будто порядок на вешалках мог искупить не всегда упорядоченные и предсказуемые растраты времени. Затем он снял ботинки и на секунду замер —

для того, чтобы овладеть своим дыханием, а заодно спрятать накопившуюся усталость — и, наконец-то, после всех этих манипуляций вошёл в кухню.

Помещение встретило его жёлтой лампочкой, висевшей под абажуром, и паром, вылетавшим из эмалированного чайника. На столе его уже ждали хлеб в полотенце, солонка-грибок, а также тарелка с остывшей гречкой и котлетой. Елена сидела за столом сбоку на табурете, облачённая в синий халат с белым кантом, её волосы были собраны лентой; на коленях же у неё покоилась нотная тетрадь. На крышке этого музыкального документа виднелись отпечатки маленьких детских пальцев: судя по всему, сегодня школьный хор разучивал «Солнечный круг».

— Я полагал, что ты уже спишь, — Керин улыбнулся краями губ, стараясь, чтобы это выглядело не виновато, а уютно по-домашнему.

— Мне хотелось тебя дождаться, — произнесла Елена и пододвинула к нему тарелку. — Разогреть?

— Не надо, — Артур присел на табурет рядом и обнял своими ладонями стакан с чаем, словно грел ими не свои руки, а весь прожитый день. — Спасибо.

Он справлялся со своей трапезой молча и быстро, как будто находился в неудобных дорожных условиях. Вилка приглушённо постукивала о край домашней тарелки. Елена смотрела не на Керина целиком, а конкретно на его плечи и затылок, на мягко сутулящиеся движения, направляемые мужем словно сверху вниз. Спустя некоторое время женщина подняла свои глаза выше:

— Артур, — начала она очень мягко, — завтра вечером мы идём к твоим. День рождения у мамы. Помнишь?

Керин поднял свой взгляд сразу, как будто его окликнули на кафедре.

— У мамы... да. Конечно.

Он на несколько секунд прикрыл свои глаза, вспоминая детали позавчерашнего диалога. Её голос в трубке напоминал: «Сынок, не забудь, ладно? Мы ничего грандиозного, по-домашнему». Затем, кивая в знак утверждения, Артур добавил вопросительно:

— В семь?

— Она говорила, что к шести. Я после уроков зайду в гастроном, возьму торт «Прага», если будет, и прихвачу конфеты для ребятшек соседских — они, кажется, должны заглянуть в гости. Ты сможешь вовремя? Не как обычно — в девять с хвостиком?

Керин положил вилку на стол, покатав её между своих пальцев.

— Смогу. — Однако, обнаружив своим взглядом, что жена его словам как будто не доверяет, добавил жёстче: — Обещаю. Я договорюсь с Виктором и уйду раньше, чем «обычно».

Мы и так сегодня... — он искал в памяти вербальную форму, не содержащую ни жалоб, ни лишнего пафоса, — сделали то, что могли.

— Ты всегда так говоришь, — тихо изрекла Елена. В этой короткой фразе отнюдь не было какого-либо упрека, а проявилась только накопившаяся усталость. — Я знаю, что это важно. Просто... — она улыбнулась уголком слегка сомкнутых губ совершенно не весело, а с некоторой бережностью по отношению к мужу и их взаимоотношениям, — мне хотелось бы хотя бы иногда тоже быть «важной».

Артур подтверждающе кивнул и опустил глаза. Пар из чайника закончил сочиться, лампочка под абажуром начала чуть потрескивать: в подъезде кто-то включил освещение, и «просела» вся сеть. В соседней комнате не менее напряжённо молчало пианино «Беларусь»: крышка его была закрыта, а сверху на ней были водружены кружевная салфетка и вазочка с веточками рябины. Керину неожиданно, но при этом отчётливо представилось, как его жена сегодня после уроков сидела за этим инструментом и неспешно перебирала по-своему меланхолические аккорды, глядя при этом в окно, откуда нечто тягучее и безрадостное доносилось ранним зимним сумраком. Далее игра воображения подсветила, как в это же самое время сам Артур, согнувшись, лихорадочно записывает

различные цифры на невзрачной серой бумаге и помышляет только о том, чтобы таймер совпадений не «дребезжал».

— Лена, ты... — он снова подыскивал слово, которое казалось ему по-своему нужным и важным, — ты у меня не второй план. — Сказал очень просто, без эстетично оформленной риторики, потому что иначе могло бы прозвучать фальшиво. — Я знаю, как это всё выглядит со стороны. Именно по этой причине завтра я точно буду вовремя; и да — я куплю маме цветы. Настоящие, хорошие, а не гвоздики из хозяйственного.

Его жена улыбнулась уже теплее.

— Гвоздики из хозяйственного — это на похороны, — пошутила она, насколько могла; и оба супруга, не сговариваясь, усмехнулись. — Возьми хризантемы на рынке; и крем для рук ей, она же всегда стесняется просить.

— Возьму, — кивнул Артур. — Заодно и «Красный мак» для отца: он его любит.

— Он любит, когда ты приходишь, — без каких-либо сомнений по-своему твёрдо произнесла Елена. — «Красный мак» же — это просто повод встретиться.

Керин доел свой ужин и отодвинул тарелку. Его жена поднялась, сняла с плиты чайник и залила в чашку свежего кипятка; по квартире раздался запах мокрого металла и немного — жжёного сахара от старой спирали прибора. Затем она поставила чай перед Артуром, ненавязчиво коснулась его плеча ладонью: почти мимоходом, однако ладонь задержалась на секунду на месте.

— Как сегодня? — спросила она уже мягче. — Только по-настоящему.

Керин задумался буквально на несколько секунд. Сформулировать «по-настоящему» означало не вдаваться в подробности насчёт того, как обстоят дела на его кафедре.

— Как дорога в тумане, — наконец изрёк молодой, но при этом «набивший немало шишек» доцент. — Видишь полтора метра впереди и надеешься, что мост не закончится. Мы... идём. Однако, без адекватного «железа» дальше точно уже не продвинуться.

— Завтра же вы пойдёте к моей свекрови, — отзеркалила его жена с ироничной усмешкой. — И это «железо, кажется», можно купить.

Артур тоже улыбнулся, и усталость немного отпустила его из своих стальных лап.

— Знаешь, — попросил он, вставая, — сыграй мне что-нибудь, если не совсем поздно. Хочу воспринимать перед сном звук, а не цифры.

— Соседи, — кивнула Елена в сторону тонкой стены.

— Тихо, — попросил Керин. — Как ты умеешь.

Супруга подняла крышку «Беларуси», сдвинула салфетку, позвенела тихо pedalю. Села, положив руки на инструмент, и зазвучало едва слышно: простая гармония, плавные, как дыхание, аккорды. Может быть, Глинка; а, возможно, что-то из её собственного творчества, сплетённого на основе фрагментов школьных пьес. Музыка казалась почти шёпотом, но в кухне стало как будто светлее.

Муж облокотился на косяк двери и внимательно слушал. В этом шёпоте не было упрёка. Там было нечто иное — как если бы дом сам дышал ровно, пока он, Артур, будет завтра снова торговаться со временем.

Когда Елена закрыла крышку инструмента, Керин подошёл в ней ближе, бережно коснулся её волос своей ладонью.

— Спасибо, — вкрадчиво произнёс он, чтобы не нарушать домашних тишины и уюта лишними звенящими эмоциями. — За музыку. За напоминание. За «к шести».

— За «к шести» — это главное, — вполне серьёзно ответила Артуру супруга и, уже уходя к раковине, добавила через плечо:

— Поставь, пожалуйста, будильник на пять. Ты ведь начнёшь завтра раньше, чтобы закончить раньше. Я тебя знаю.

— Поставлю, — утвердительно произнёс Керин.

В коридоре часы тикали громче ночи. Артур убрал вымытую посуду, потушил лампу на кухне, и вместе с Еленой они вместе на цыпочках прошли в комнату, будто берегли не только сон соседей, но и завтрашний вечер — загадывая, чтобы он, наконец, случился вовремя.

* * *

Артур, действительно, завёл свой будильник на пять часов, аккуратно повернув стрелку, и вернул часы на тумбочку. Металлический корпус щёлкнул, словно зафиксировав его обещание. Елена уже дышала рядом ровно, укрывшись тёплым одеялом.

Однако, сон не приходил к учёному. В потолке виднелась едва заметная трещина, и он пристально смотрел на неё, будто это была формула, смысл и применение которой необходимо было разгадать во что бы то ни стало. Мысли вертелись в голове не только применительно к событиям завтрашнего вечера, но и вокруг утра. Сознание подсвечивало целый сонм различных вопросов: «Как они будут с Виктором демонстрировать Громову графики? Каким именно образом убедить начальника, что это — не очередная пустая экспонента? Что именно в этой работе есть шанс “прорваться”, быть замеченными со стороны экспертных сообществ и конкретных специалистов, важных для дальнейшего продвижения проекта?».

У Керина была твёрдая уверенность: именно завтра всё решится. По этой причине его сердце билось чаще, чем в другие дни до этого, и даже тихое тиканье будильника не убаюкивало настойчивого доцента, а словно отсчитывало время до какого-то судебного заседания.

* * *

Кабинет ректора Дмитрия Павловича Громова находился на третьем этаже главного корпуса. Тяжёлые дубовые двери скрипнули, когда Артур и Виктор вошли внутрь. Там пахло полированной мебелью, бумажными страницами и табаком. На стене висели портрет Михаила Горбачёва и репродукция с изображением Владимира Ленина в Кремле; под ними блестела лакированная столешница.

Высокий и широкоплечий Громов — мужчина с седыми, зачёсанными назад волосами и орденой планкой на пиджаке — перевёл взгляд от бумаг, аккуратно заполнявших его рабочий стол, на своих визитёров. Голос у него был глухой и командный:

— Ну что, коллеги, докладывайте.

Виктор развернул папку с графиками; Артур же не шевелился, а стоял рядом со старшим соратником — собранный, сдержанный, готовый к необходимым решительным аргументам.

— Дмитрий Павлович, — начал Виктор, — мы подготовили окончательный вариант Проекта. Работа по нестабильным состояниям завершена. Наши данные демонстрируют, что когерентность теперь удаётся удерживать дольше, чем считалось изначально...

— Дольше? — бесцеремонно перебил Громов. — Давайте конкретнее. Самое важное: зачем это нужно Стране?

Артур слегка придвинулся к столу, положив на него лист с набросанной схемой.

— Если коротко и по сути, — парировал он нарочитую грубость начальника достаточно спокойно, — мы изучаем распад возбуждённых квантовых систем на примерах очень коротких времён. В стандартных учебниках такой распад описан всего лишь как простая экспонента: чем дальше по времени, тем меньше вероятность «дожить». Тем не менее, на самых первых долях наносекунды поведение НЕ экспоненциальное: там проявляются сугубо квантовые эффекты, так называемая когерентность. Она может либо тормозить распад (так называемый «квантовый Зенон»), либо, при других условиях, слегка его ускорять («анти-Зенон»).

Керин повернул лист таким образом, чтобы ректор более отчётливо увидел график: гладкая кривая экспоненты и рядом с нею крошечные «плечи» на коротких временах...

— Мы берём каскадный переход: уровень $A \rightarrow B \rightarrow C$. Система испускает два гамма-кванта подряд. Если максимально просто считать, согласно классическим измерениям,

то распределение интервалов будет экспоненциальным. Однако, с другой стороны, если когерентность сохраняется дольше, то распределение изменяется; и это вполне возможно зафиксировать. Нам необходимы детекторы, способные регистрировать данные интервалы с точностью до наносекунды. С нынешними старыми приборами мы наблюдаем только шум, а не физику таковой, какая она есть. С новыми инструментами мы сможем продемонстрировать то, что раньше считалось недоступным и даже для кого-то невыносимым.

Артур утвердительно постучал длинной авторучкой по второму графику, на котором пунктиром была отмечена «целевая» кривая.

— Для Страны это означает следующее: советские учёные смогут точнее прогнозировать поведение нестабильных ядер и изотопов. По сути дела, речь идёт о прогрессе энергетики — подборе и контроле стратегически важного топлива. Помимо этого, дело касается медицины (дозировки и прогноза поведения терапевтических изотопов), а также вопросов обороны (надёжности материалов и их диагностики). Наконец, данный Проект посвящён развитию приборостроения: если Омск покажет субнаносекундную регистрацию, то именно сюда многие заинтересованные организации и конкретные влиятельные лица будут приезжать для того, чтобы воочию наблюдать, как именно мы это сделали.

Виктор также оживился, добавив:

— На самом деле, нужно немного: два качественных кристалла, быстрые ФЭУ, таймер совпадений с окном для измерения и фиксации наносекунд, а также адекватная стойка питания. Всё это, разумеется, заложено в нашу заявку.

Громов откинулся в кресле, прищурился, перевёл взгляд с графиков на Артура. Неожиданно его громкий и отчётливый голос стал мягче:

— Что ж, говорите вы внятно. Слышу то, что надо: конкретику, применение. Партия поддерживает всё, что даёт пользу: энергетику, медицину, оборону, приборостроение.

Горбачёв сказал ясно: «научно-технический прогресс — двигатель Перестройки». Значит, у нас имеется необходимый ветер в спину.

Ректор поднялся со своего рабочего места и подошёл к окну. За стеклом серый омский снег плавно ложился на улицы...

— Я буду продвигать вашу заявку, адресованную Москве, лично. Через министерство. Аргументы подобраны правильные, нужные цифры присутствуют. Полагаю, что в этот раз результат будет положительным.

Эти слова повисли в воздухе словно печать. Виктор просиял; Артур же стоял ровно, но чувствовал, как у него в груди снова загорается давно угасшая надежда.

— Дмитрий Павлович, — достаточно осторожно спросил он, не забывая предыдущих неудач, — что по срокам?

— Готовьте пояснительную записку, — резко выпалил Громов, под стать собственной фамилии. — Два абзаца нормальным простым языком: какая будет польза для энергетики, медицины, обороны... Чтоб замминистра понял с первого взгляда! Без философии. Наш Университет должен выглядеть достойно. Поняли?

— Так точно, — громко ответил Артур, с одной стороны, подыгрывая начальству; с другой стороны, осознавая свою ответственность.

— Идите, работайте! — махнул ректор рукой и усилил акцент. — Сделайте так, чтобы я не выглядел дураком перед министерством.

Друзья вышли в коридор. Виктор зашептал Артуру, едва сдерживая восторг:

— Ты видел? Он сказал: «В этот раз». Значит, будет!

Керин поддерживающее кивнул. Надежда снова появилась — как тонкая линия на графике. Доцент прижал папку к груди, и в этот момент его воображению как-то по-настоящему убедительно представилось, что Омск, действительно, можно поставить на научную карту, если собрать требуемую установку и не утонуть в лишнем шуме.

* * *

15 января мороз колосся то ли ежовыми иголками, то ли йоговскими гвёздиками; из-за его неумоимого стояния на улице дыхание людей проявлялось в воздухе как дымок из печных труб, а их шарфы буквально звенели изза инея. Сугробы, раскинувшиеся вдоль проспекта Маркса, были утрамбованы вплоть до белых парапетов; и редкие троллейбусы, мощно обдуваемые снежным ветром, с трудом выбирались из колеи. Артур и Елена шли от остановки быстрым шагом: у Анны Кериной сегодня день рождения, и опаздывать было, как минимум, неудобно, а, помимо этого, оба соскучились по родителям предприимчивого доцента, поскольку бывали у них нечасто. Елена аккуратно придерживала картонную коробку с «Прагой», Артур же нёс сетку с «Советским шампанским», «Жигулёвским», «Красным маком» и запакованный букет хризантем. Оба искренне надеялись на то, что эти красивые цветы смогут пережить короткую, но очень морозную встряску для того, чтобы порадовать именинницу.

Подъезд «хрущёвки» традиционно встретил гостей богатым симбиозом запахов: мокрых валенок, угольной пыли, домашних щей, жареного лука и выкуренной махорки. Лампочка под матовым плафоном моргала, как усталый глаз, ступени дружно поскрипывали, перила были отполированы тысячами ладоней.

На втором этаже показалась знакомая дверь с облупившейся коричневой эмалью. Артур постучал костяшками: три коротких, один длинный.

Открывал, как всегда, отец.

— Ну наконец-то! — воскликнул Евгений Керин своим глухим басоватым голосом и тут же поторопился снять с Елены пальто. — Мороз собак как угорелых гоняет, а вы так долго добираетесь! Заходите.

Прихожая встретила гостей теплом и сухим светом бра, висевшего над зеркалом. Под подолом занавески из ситца,

на маленькой полочке, как обычно стояла иконка: Анна всегда прикрывала её, когда приходили «чужие», но сегодня та виднелась во всей своей красе.

На вешалке висели серая куртка отца и его фетровая шляпа «на выход», а также Еленин пуховый шарф, на полу терпеливо ждали своего часа две пары домашних тапок из войлока. В кухне что-то булькало, шкворчало, и надо всем пространством вился вкусный пар от жареной курицы.

Анна выглянула из кухни в синем платье и фартуке, с волосами, собранными в гладкий пучок; щёки её были покрыты румянцем от тепла плиты:

— Артурчик! Леночка! Слава Богу, что дошли. Проходите, руки мойте, садитесь. Сейчас всё вынесу.

Гостиная была укомплектована как сцена: на стене висел ковёр с виннобордовыми завитками, под ним располагался диван с клетчатым покрывалом; в углу на тонких металлических ножках стоял телевизор «Рубин»; рядом с ним находился радиоприёмник «Маяк», тихо бубнящий частотным шипением и ловящий эфиры между советскими новостями и «Песней года». Сервант сверкал хрусталём, а в его нижнем отделении виднелись аккуратные стопки тарелок из сервиза «Мадонна». На стол была накрыта белая крахмальная скатерть, вилки-ложки лежали парадные, своими морковными блёстками отсвечивала хрустальная ваза «Оливье». Помимо этого, неподдельный аппетит вызывали овальная форма «Селёдки под шубой», тарелки с колбасой и сыром, банки с солёными огурцами и опятами, миска пареной картошки с укропом, блюдо с жареной курицей на подложке из лавров и лука. По левому краю «дежурили» две тёмные бутылки «Жигулёвского» и пузатая бутылка шампанского, украшенного золотой фольгой.

За стол сели по-простому, без лишних церемоний, но при этом по-советски правильно: Евгений — во главе стола; Анна — у кухни, дабы не терять быстрой связи с кулинарным пополнением; Артур — слева от отца, Елена — напротив мужа.

Евгений аккуратно откупорил шампанское, но пробка всё равно хлопнула, как маленький салют, дабы подчеркнуть важность Моментa, и из горлышка побежала пена. Хозяин дома разлил этот напиток по фужерам для дам, а затем и «Столичную» по рюмкам для мужчин.

— За именинницу, — поднял свою рюмку Евгений. — Анна — это наш двигатель и котёл центрального отопления, — он хмыкнул, — пусть работает без аварий, а мы будем вовремя подкидывать угля. С днём рождения!

Чокнулись. Анна, смущённая, перекрестилась коротко, по-домашнему, отпила глоток и ненадолго зажмурилась: шампанское разлилось по телу приятным теплом, но дали о себе знать и «фирменные» пузырьки. Артур сдержанно поцеловал мать в щёку; Елена пододвинула имениннице салфетку с вышивкой ромашек для того, чтобы начать трапезу.

Начавшийся тёплый вечер насыщался достаточно эффектными узорами действий и образов: «Оливье» выкладывали на тарелки цветные холмики; селёдка с влажным блеском устроилась на чёрном хлебе, на неё легла щепотка ярко зелёного лука; картошка раскололась вилкой и выпустила пар, масло растаяло янтарной лужицей...

Елена, набравшаяся мастерства на хоровых репетициях, резала курицу отточенными движениями. Анна подкладывала каждому «по-свойски»: сыну — побольше, невестке — поэстетичней.

— Ну, рассказывайте, — стала входить в общее настроение Анна, спрятав ладони под край стола. — Как у вас дела в университете? К ректору ходили? Говорят, что теперь всё по-новому — научно-технический прогресс, — это слово она выговорила с мягким недоверием, — и финансирование улучшают.

Артур провёл пальцем по краю тарелки, собирая каплю масла, и ответил достаточно ровно, как привык это делать в аудиториях перед студентами:

— Ходили. Ректор слушал внимательно. Просил переделать пояснительную записку для того, чтобы она была

составлена «по-человечески». Он сказал, что отправит нашу заявку наверх, в министерство. Если проекту будет дан «зелёный свет», то нам обеспечат комплект оборудования и отпускные деньги на командировки.

— Отпускные — это хорошо, — со знанием дела заметил Евгений. — Оборудование — тоже замечательно. Только вот с бумагами, ребята, аккуратнее. Бумага ведь любит грамотных и терпеливых.

— Женя, — с лёгкой укоризной в тоне вздохнула Анна, — перестань. Дай человеку порадоваться. — Она снова повернулась к сыну:

— Артурчик, ты кушай, кушай. Худой стал. Всё работаешь. Я же знаю.

— Работаю, — кивнул он. В его голосе промелькнул юркий огонёк азарта. — Важно, что и студентам тоже интересно. Сегодня один парень после лекции подошёл, спросил про «многомировую». Я ему отвечаю: «Это, мол, просто интерпретация такая, математика та же самая». Он смеётся: «Значит, где-то в соседней вселенной у меня “пятёрка”?» — «Вполне возможно, — поддержал я его, — но на сессии отвечать ты будешь всё равно здесь».

— Вот и правильно, — обрадовалась Анна. — Чтоб здесь отвечали. А то нынче с этой «Перестройкой»: каждый шутит, а работать некому!

Евгений, отрезая хлеб длинным ножом, утвердительно кивнул:

— Про работу верно сказано. Однако, и шутить тоже надо уметь. — Он глянул на Артура. — Помнишь, как ты с работой справился в восьмом классе? С Данилом Семёновым?

Елена повернула голову:

— Данил Семёнов? Это кто?

Анна оживилась, как будто щёлкнули тумблер «истории»:

— Ох, Леночка, это была гроза школы. Большой, тяжёлый, плечистый. Любил кого-нибудь шлёпнуть по затылку, портфель вырвать, толкнуть. Артура моего пару раз об стенку приложил — я думала, что у меня сердце от вида

таких здоровенных синяков разорвётся. А учителя... ну, что учителя — «разберёмся», «без конфликтов». И вот однажды приходит Артур домой тихий-тихий, глаза узкие, как у отца, когда тот чертёж читает. Я спрашиваю: «Что задумал?» А он: «Ничего, мам». Ну а наутро — тишина в школе, Семёнов сам уже ходит с синяком и никого не трогает.

— Мам, — смутился Артур, но улыбнулся краем губ. — Ну, было.

— А как было! — Анна подалась корпусом вперёд, упёрла локти в стол и зашуршала фартуком. — Слушай, Леночка. У Данила отец был страшен, сотрудник ОБХСС. За «четвёрку» по математике — ремень. За «тройку» — чуть ли не смерть на месте. Так Данил из-за этого завёл два дневника: один — настоящий, в портфеле, чтобы учителя ставили как есть; другой — «для отца», беленький, аккуратный, куда переписывал «хорошие» оценки. Однако, твой муж — у нас ведь голова, — подгадал перемену, остался «дежурить», открыл тайком портфель, нашёл «парадный» дневник и — тихо так, мирно — перерисовал туда свежую двойку. Строчку в строчку, пастой той же, линию положил, как чертёжник. Данил вечером принёс отцу «свою гордость», а там — как в снегу кирпич. Ну, а дальше ты понимаешь... Наутро явился аккуратный, тихий, как после стоградусной бани. Артур подошёл к нему и сказал: «Ещё раз тронешь — расскажу учителям про второй дневник, а они — твоему отцу». И всё на этом, хотя Даня мог бы озлобиться и мстить. Видать понял, с кем связался. Друзьями они, разумеется, не стали, но желаемый Артуру нейтралитет был налажен.

Елена, выслушав всё это, закрыла ладонью рот — то ли от смеха, то ли от удивления:

— Жестоко... но справедливо. И весьма хитроумно.

— Ум — тоже сила, — резюмировал Евгений. — Иной раз гораздо лучший эффект даёт, чем твёрдый кулак. Только применяй свои умения, сын, к хорошему Делу, а не к мести. Понимаю, что ты уже не в том возрасте, когда нужны нотации и разъяснения, но напомнить об этом считаю нелишним.

Где-то наверху хлопнула дверь, в эфире радио «Маяк» пробежали воспринимаемые фоном новости: очередная речь Горбачёва, юбилей какого-то завода, прогноз погоды («морозно, осадки в виде снежной крупы»)... Евгений подлил Елене шампанского, а мать положила на тарелку Артура ещё одно куриное крылышко. Затем отец выразительно поправил вилкой «шубу».

— А торт-то откуда? — спросил он, кивая на коробку «Праги» под сервантом. — Опять «по благу»?

— Очередь, — улыбнулась Елена. — И случай. Тётка из подсобки вынесла ещё два. Я взяла один. Не могла же без торта к маме прийти.

— Вот видишь, — с твёрдой уверенностью в голосе изрекла Анна. — Когда для серьёзного дела, то Всевышний всегда помогает. — Однако, после секундной паузы добавила, как всегда, тихо и с тревожно-напряжёнными нотками в голосе:

— И не для дела помогает, а по мирским пустякам; если просить по-людски.

* * *

— Ладно, — произнёс Евгений, взяв маленькую паузу и чуть откашлявшись, словно перед какой-то ответственной речью. — Раз уж разговор зашёл о памяти... Лен, принесла?

Его сноха внимательным взглядом спросила без лишних слов «точно?», на что Керин-старший кивнул утвердительно. Елена беспрекословно поднялась со своего места, вышла в прихожую и вернулась оттуда с полотняным свёртком, перевязанным бечёвкой. Она положила предмет на тот край стола, который не был заставлен праздничными блюдами. От принесённой ткани пахло старым шкафом, машинным маслом и словно веяло каким-то теплом.

Евгений аккуратно развязал узел бечёвки и без лишней спешки развернул полотно — в пространство вечернего

квартирного освещения выкатился так, словно выехал на незримых колёсиках, хромированный револьвер. Новый объект внимания блестел холодно, будто лёд, освещённый зимним фонарём. Длинный ствол, высокий курок, тёмная деревянная рукоять, отполированная множеством чьих-то ладоней... Анна инстинктивно потянулась своим правым запястьем ко лбу для того, чтобы перекреститься; затем задержала жест, но в итоге, всё-таки, перекрестилась.

— «Миротворец», — с некими нотками гордости изрёк Евгений. — «Colt». — Он положил револьвер на сложенную салфетку, будто икону на антиминс. — Твой дед, Артур, получил его в те времена, когда мужчины были моложе, чем доставшиеся им шинели. По его рассказам, собранным из обрывков сведений бывших владельцев, этот «инструмент» ведёт свою родословную аж с 1886 года. Много где путешествовал, каким-то чудом очутился и в Бельгии, прибыв туда из нейтралитетных Нидерландов во время Первой мировой. На Западном фронте, куда были переброшены и наши войска, тогда грязь стояла выше сапог, и артиллерия раздавалась, как гром надо всем облачным небом.

Генерала вражеского полка угораздило попасть под такой мощный обстрел, что его кони взбесились и безудержно понесли упряжку, не слушаясь и сами не зная куда. Твой дед с двумя своими бойцами под огнём смог перехватить повод, схватил и укрыл эту трофейную «шишку», вывез немецкого офицера с поля боя. Тот выжил и уже в госпитале поблагодарил моего отца, любезную бумагу написал, а при расставании отстегнул револьвер и сказал: «Забери. Пусть будет твоим». При этом он подчеркнул: «Не для бахвальства о почётном трофее, а для того дня, когда оружие поможет вам вернуться домой».

Анна слушала всё это внимательно, как будто впервые, хотя данную историю знала давно. Её ладони лежали одна на другой, а большой палец поглаживал указательный: тихий счётчик старых тревог.

— Потом началась другая, ещё более разрушительная война, — серьёзно и не отвлекаясь от темы, продолжил Евгений,

но теперь его голос стал ровнее, как у инженера на совещании. — Советско-немецкая. Ваш дед говаривал временами: «Эта железяка — больше подарок, чем инструмент, но иногда, всё же, инструмент». Он и вправду редко стрелял: берёг. Помимо прочего, неоднократно подчёркивал: «Пистолет — не для гордости. Он для того, чтобы мальчишки вернулись с войны». Общие знакомые утверждали позже, что в Берлине мой отец ещё раз повстречал того самого, «трофейного» генерала, причём тогда, когда «ППШ» был уже разряжен. Времени на переза-

рядку точно не было, а немецкий офицер явно был намерен биться в этот раз до последнего, не попадая в плен в своей родной стране. Когда в голове у твоего деда, Артур, щёлкнуло, что жизнь разыгрывается на секунды, какое-то внутреннее чутьё, инстинкт помогли ему выхватить из кобуры этот самый дарёный револьвер. Вот так и получилось, что одному и тому же человеку из вражеской армии мой батя сначала спас жизнь, а спустя время её же отнял.

Отец взглянул на Артура. Его взгляд был длинным, как мерная линейка, и в то же самое время тёплым, как лампа под абажуром. — Когда твой дед умирал, он позвал тебя. Ты был маленький и забавный в тот момент, с крошками от сухарей, облепившими нос, но он очень серьёзно произнёс: «Артур, дарю его тебе, но обещай: если стране грозит беда, этот “Миротворец” обязательно встанет на сторону русского фронта, — всё в твоих руках». Помнишь ведь?

— Помню, — нетипично тихо и задумчиво ответил Артур и протянул пальцы вперёд, едва коснулся холодного металла. — Он пах маслом и железом, а ещё больницей.

— Вот и хорошо, что помнишь, — резюмировал Евгений и снова накрыл старый, но мощный «Кольт» полотном. — Это не игрушка, сынок. Это память. Это обещание. Возможно даже, что Ключ. — Он сделал короткую, но глубокую паузу. — Куда именно — не знаю. Но ключ точно.

Анна, наблюдая всё это, глубоко вздохнула, отпила из рюмки крошечный глоток, словно там находилось лекарство, успокаивающее нервы:

* * *

Тишину разбил приглушённый бытовой гул: на кухне зашипел поставленный чайник, в телевизоре тонко задребезжала заставка программы «Время», из подъезда донёсся далёкий детский смех — кто-то из местной ребятни на неровном картонном листе летел с горки.

— Давайте, — предложила Елена, — пока чайник греется, расскажу, как мы школьный хор готовим к 8-ому Марта. У нас Варька, семиклассница, поёт громко и мимо, но так старается, что весь класс, «прикрывая» её, заходит на нужную ноту. А мальчишка один, Костя, переводит глазами по нотам, как по карте. Говорю им: «Музыка — это не только правильно, это вместе».

— Правильно, — оживилась Анна. — В нашей жизни всё вместе надо. И правильно — хорошо, и вместе — хорошо. — Она пододвинула Елене тарелку с пирожками:

— Вот, Леночка, с капустой, горячие ещё!

Евгений снова разлил горячительные жидкости по задействованным ёмкостям, и разговор в очередной раз перетёк к делам. Он рассказывал про станок, «как часы», что пришёл из Чехословакии, но требует «нашего напильника». Про цеховика Гришина, который уехал в Афган, а теперь письма пишет, что «жарко, как в мартене». Про то, как план дружно обнял премию и ушёл с нею восвояси, а люди остались, «несолоно хлебавши».

— В Афгане..., — Анна тихо перекрестилась. — Боженька, сохрани всех наших мальчиков.

— Анекдот слышали? — неожиданно улыбнулся Евгений, оглядываясь вокруг для понимания, что никого не обидит. — В гастрономе покупатель спрашивает: «А где у вас колбаса?» — «В мясном». — «А мясо?». — «В колбасном». — «А правда?» — «Правды нет, есть только отдел печати». — Тут же отец сам себя осадил:

— Ладно, не смейтесь громко, а то и у стен уши растут.

Несмотря на это, смех всё равно прокатился вдоль стола тихой волной. Именно смех в этом доме всегда выручал в трудные минуты, как одеяло, которое укрывает от холода, но при этом не давит.

Когда вынули «Прагу», нож вошёл в шоколадный верх мягко, крошка посыпалась сладкой пылью, и на подготовленные тарелки, стоявшие рядом, были выложены влажные слои крема. Анна взяла тонкий кусочек, «чтоб не жалеть потом»; Евгений же выбрал себе весомый

мую, как аргумент, порцию. Елена поставила сахарницу, варенье, чашки с золотым кантиком, и крепкий чай вдохнул в комнату пар свежей жизни.

— Артур, — неожиданно произнесла Анна, внимательно глядя сыну в глаза, — ты только, пожалуйста, не заигрывайся со своими интерпретациями. Живи Здесь. Здесь — жена, мы, твои студенты. Не вся жизнь — это формулы. Есть ещё Всевышний.

— Я здесь, мам, — подтверждающе ответил он. Действительно, в эти моменты почувствовал: здесь, и нигде больше. Как будто комната стала точкой координат, от которой можно отложить оси и строить график любой сложности.

— И помни, — добавил Евгений, вставая со своего места для того, чтобы налить ещё чаю, — успеешь. Если не остановишься. Это не про бег. Это про жизнь: идти — это и есть успевать.

В радиоэфире утончённо шевельнулось танго из прошлого, и Анна экспромтом напела два такта, не сдержавшись. Елена подхватила, продемонстрировав своё чистое природное меццо, и комната на минуту стала залом, в котором музыка и тёплый свет очень даже хорошо дружат.

— Мам, — решил продолжить ретроспективу согревшийся душой Артур, — а помнишь, как я дома «урок химии» показывал? — Он усмехнулся. — Пробку из бутылки в потолок...

— Помню! — всплеснула руками Анна, как будто это случилось позавчера. — С тех пор я пробки держу только

в дальних уголках. Соседка в тот раз ёрничала: «У вас здесь академия наук или полигон?».

Мать залилась звонким и переливным, как птичьи трели, смехом.

Ностальгические рассказы продолжились: то про очередь за маслом, где Анна «по знакомству» взяла полкило этого продукта к Новому году; то про соседского кота, который научился открывать холодильник с дефицитными припасами; то про первую учительницу Артура, которая писала в дневнике на каллиграфический манер и ставила точку аккуратнее, чем другие ставят подписи.

Тёмное покрывало ночи мягко опускалось на окна, морозные узоры расцветали веточками и папоротниками. Гдето вдалеке стукнул трамвай о стрелку — коротко, как будто раздался кивок незримого металлического маятника. Горячий чай и душевные беседы вкупе с алкоголем разогнали все лишние мысли и сомнения, настроение у всех присутствующих стало ясным и тёплым, хотя и с привкусом лёгкой усталости — как после интенсивной поездки на лыжах.

— Мама, — проникнувшись атмосферой вечера, произнёс Артур, счищая вилкой с тарелок крошки в общую тару для уборки, — спасибо тебе. Это всё... — он поискал слово, — оркестр. Ты — дирижёр. Отец — духовые. Лена — хор. А я — скрипка, которая иногда фальшивит.

— Ничего ты не фальшивишь, — парировала Елена и положила свою ладонь на руку родному и любимому мужу. — Ты просто иногда играешь очень сложную партию.

Евгений посмотрел на них и ничего не сказал. Он умел молчать таким образом, что само молчание становилось очередным тостом.

Чуть позже втроём привели в порядок посуду: Елена мыла, Анна вытирала, Артур ставил в сервант хрусталь и всё остальное на свои места. Евгений слегка задумчиво курил у открытого окна — дым уходил куда-то в морозный свет фонаря, где, как медленные искры, кружились большие и грузные снежинки.

Все вместе обменивались друг с другом обрывками фраз через соседние комнаты — про батареи, что шипят, про кран, который «надо подмотать», про письмо двоюродной тёти из Куйбышева.

Перед уходом Анна обняла сына — настолько крепко, что он почувствовал её годы и силу одновременно. — Бог тебя храни, — сказала она ему на ухо. — Ты у меня умный. Только не забывай: ум без сердца опасен.

— Не забуду, — ответил Артур и, чуть помедлив, добавил:

— Обещаю.

В прихожей Елена затянула согревающий шарф, поправила мех на своей изящной шапочке. Евгений протянул головной убор и Артуру, хлопнул того ладонью по плечу — коротким, еле уловимым движением, но достаточно крепко. — «Миротворец» пока пусть побудет у меня, — сказал он негромко. — Потом заберёшь. Не потому что мне страшно, — он улыбнулся одними глазами, — а потому что так спокойнее. В шкафу он как якорь; а якоря должны быть на причале, не мешая идти дальше.

Дверь закрылась, замок щёлкнул привычной интонацией. На площадке пахло железом и пылью. Молодые супруги спустились вниз, и снег под их ногами затянул свою хрустящую песню. Артур оглянулся на окна — четыре тёплых проёма отчётливо виднелись на втором этаже. Там остались недоеденная «Прага», хрусталь, намоленная иконка под занавеской и завёрнутый в полотно револьвер — молчаливый корень семейной истории, тяжёлый и блестящий, как будущее, которое не угадаешь.

— Тебе хорошо? — спросила Елена мужа, беря его под руку.

— Хорошо, — ответил Артур. — Очень. — При этом он подумал, что надо бы научиться почаще вспоминать такие вечера, которые врезаются в душу совершенно естественно, но при этом не менее чётко, чем отточенные годами заучивания формулы: как звенит тонко рюмка о рюмку; как пахнет печёное яблоко; как отец говорит «успеешь, если не остановишься»; как мама шепчет «Бог тебя храни». Это — границы его мира. И якоря — тоже.

* * *

На следующий день Артур и Виктор снова оказались в кабинете ректора. На этот раз они принесли ему тонкую папку с аккуратно напечатанной пояснительной запиской.

Бумага была слегка серая, машинописные буквы местами неровные, но текст выглядел вполне официально.

Громов взял папку в руки, открыл её и пробежал глазами по первым абзацам. Его губы сложились в нескрываемую полуулыбку:

— «Энергетика, медицина, оборона, приборостроение...», — он пробормотал, бегло цитируя, вслух. — Вот это правильно. Конкретика, польза, а не только формулы.

Ректор откинулся на спинку кресла и глухо хмыкнул:

— В министерстве такие слова любят. Там не будут досконально изучать ваши графики, но если чётко написано, что Омск даст стране усовершенствованное оружие и новые лекарства, то бумагу не положат под сукно.

Громов поднял глаза на Артура:

— Так и нужно работать, Евгеньевич. Ты умён, но помни: наука — это не только уравнения. Это ещё и умение сказать партийцу то, что он хочет услышать.

Начальник захлопнул папку, положил её на стол и накрыл сверху ладонью:

— Я лично, под свою ответственность направляю эту заявку в Москву. Если кто-то спросит, скажу: наш университет готовит работу уровня союзных институтов. А там уже посмотрим, что ответят «свыше».

Виктор сиял, едва удерживаясь от восторга. Артур же снова молчал, прекрасно осознавая, что в этих бумагах не только содержится их надежда, но ими же и закрепляется зависимость коллег от чужой воли.

Громов сделал финальный акцент, достаточно тяжело ударив пальцем по папке:

— Запомните: в этот раз мы должны «выстрелить». Университет не имеет права ударить в грязь лицом.

Он — уже предсказуемо по сравнению с первым визитом друзей — махнул рукой:

* * *

Плоская тёмно-коричневая котлета находилась на витрине в очевидно заветренном виде, не внушая никакого доверия и скорее отбивая аппетит у проголодавшихся советских граждан, чем провоцирующая таковой. Тем не менее, она оказалась последней, и в этом факте, по большому счёту, не было ничего удивительного. На алюминиевом подносе под котлетой расплывалась жирная тень масла, а за стеклом пищеблоковской стойки женщина в белом колпаке скупаяще убирала лопаткой крошки. В соседнем лотке доживала свой недолгий век гречка — несколько суховатая, но, в принципе, терпимая; в стойке с напитками тускло поблёскивали гранёные стаканы с лимоном.

Артур пододвинул к себе поднос, взял котлету, порцию гречки и стакан чая с ломтиком лимона — роскошью по местным сибирским меркам. Пар от чая поднимался прямым вверх ленивыми клубами, пахло натуральными варёными яйцами и подогретым сливочным маслом. Керин прошёл вдоль гулкого зала, в котором под потолком подрагивали лампы дневного света. Многочисленные студенты азартно болтали, смеялись, наперебой стучали ложками, быстро уплетая за обе щеки нехитрую снедь. На мгновение Артуру показалось, что весь этот шум — это эхо одного и того же ожидания, просто у каждого оно своё: кто-то ждёт время экзамена, кто-то — звонок из дома, а кто-то — телеграммы из Москвы...

Один из учащихся, долговязый первокурсник в свитере стиля «ёлочка», сначала немного замялся, но затем, всё-таки, остановил Керина.

— Артур Евгеньевич, можно? У нас вопрос по домашнему заданию: вы говорили, «суперпозиция не исчезает, пока есть условия». А если условия — это мы? Ну, аудитория, шум, пара... Мы не «убиваем» суперпозицию своим существованием?

— Хороший вопрос, — ответил Артур и впервые за это утро улыбнулся. — «Мы» не являемся шумом, если не вмешиваемся. Если не скачем по состояниям, как по ступенькам, а просто аккуратно наблюдаем. Однако, в реальной жизни «просто наблюдать» временами бывает труднее всего остального. Помните: время является очень хрупким и коротким, когда система ещё не «решила, кем ей быть». Его нужно уметь не испортить.

— Иначе говоря, не опаздывать на пару, — подмигнул второй студент своему заинтересованному преподавателю и резко дёрнул приятеля-энтузиаста за рукав.

За дальним столом помещения сидели Виктор и Николай. Белов как всегда, облокотился о спинку стула, находившегося подальше от прохода, словно прикрывая свой тыл. Щербаков неторопливо ел, крошил хлеб в суп, внимательно глядя в окно, за которым в сером апрельском небе осыпалась редкая, но всё ещё не сдавшаяся наступившей весне крупа снега.

— Ну что, герой науки, — произнёс Виктор, когда Артур подошёл к их немного задумчивой компании. — Снова выбрал всё самое свежее из меню?

— Оно единственное, что не сбежало, — ответил Артур, ставя принесённый поднос на общий стол. — Хотя, если честно, то от дополнения в виде студенческой пайки я бы сейчас не отказался.

— Сегодня у меня во время третьей пары..., — начал Николай, не отрывая своего взгляда от супа в своей тарелке, — один старшекурсник заявил, что «матрицы — это для архитекторов». Пришлось объяснить, что это не так, хотя, на самом деле, иногда хочется с этим утверждением согласиться.

— А у меня, — подхватил Виктор, — лаборантка залила жидким азотом новый термос. Пояснила, что у неё была версия, согласно которой «так он лучше охладится». Теперь вот ищем очередной термос.

Смех получился коротким, но особенно необходимым в этот момент. В нём ощущалось немного усталости, немного дружбы и чуть-чуть страха перед тем, что будет завтра.

— Виктор, — Артур резко понизил свой голос, — секретарь Громова что-нибудь говорила?

— Говорила, — вмешался голос справа. К их столу подсел Сергей Плотников — мужчина с белёсыми вихрами, которые он называл «электростатикой». Он присовокупил свой поднос к опередившим его «собратьям» и приветливо кивнул всем присутствующим разом. — С утра скакал на третий этаж; оттуда передавали, что человек из министерства изрёк слово: «Завтра будет ответ». Слово, правда, не телетайп, но всё-таки.

Артур кивнул, будто это укрепляло его внутреннее равновесие. Он взял вилку, ткнул ею котлету, и та неожиданно распалась. Керин улыбнулся: весьма символично получилось. Практически всё вокруг казалось ему не менее хрупким, чем этот несвежий «деликатес».

— Три месяца, — не скрывая своей нервозности, произнёс Виктор. — Три месяца молчания. Может, они просто забыли про нас?

— Не забыли, — достаточно твёрдо ответил Артур. — Не могут забыть. Мы сделали то, чего никто здесь, да и не только здесь, не делал. Если нам дадут достойное финансирование, то мы сможем закончить цикл измерений. Если же нет...

Керин не договорил. Общее молчание товарищей гнетуще повисло между чашками и тарелками. За соседним столом кто-то громко обсуждал новый кинофильм, поступивший в прокат; кто-то смеялся... Здесь же стояла тишина: научная, вязкая, далеко не всем вообще понятная.

— Сегодня на первой паре, — возобновил беседу Николай, будто специально разрезая паузу на части, чтобы она отступила куда-то подальше от их столика, — один мой подопечный спросил: «А зачем нам линейные пространства, если реальная жизнь — это сплошные кривые?». Поначалу я хотел от него отмахнуться, но потом, всё-таки, счёл нужным ответить: «Затем, чтобы по ним твёрдо идти, а не падать».

Правильно ли я высказался или нет — честно говоря, сам не знаю. Тем не менее, тот перестал ёрзать и начал слушать меня внимательно.

— У меня второкурсники, — добавил Виктор, — спрашивали про «взрывной» распад: «А нельзя ли побольше?». Я их парирую: «Нельзя. У нас приборы, а не салюты». Ребята смеялись, но смысл поняли.

— А ко мне в столовой подбежали, — кивнул Артур, — про «хрупкое время» спрашивали. Забавно: иной раз студенты задают такие вопросы, которые держат тебя на плаву гораздо лучше, чем подписи в министерстве.

— Вопросы — это воздух, — резюмировал Плотников. — Даже если они неудобные.

Затем он помолчал, перевёл взгляд на Артура, и его голос стал более напряжённым и сухим:

— Я, может быть, скажу вещь неприятную, но нужную. Артур, ты знаешь, как в нашем деле: иногда побеждают не идеи, а люди. Ты готов к этому? Что твоя идея может попасть к тем, у кого руки длиннее, а голоса громче?

Виктор, словно чувствуя запах опасности, инстинктивно напрягся, твёрдо положил свою мощную руку на стол:

— Серёжа ...

— Я не нагнетаю, — Плотников поднял ладони словно в знак примирения, хотя никто из них и не ссорился. — Просто констатирую факты, касающиеся устройства современного общества.

Артур сделал глоток — медленный, как мысль хронически не высыпавшегося студента:

— Готов, — отчётливо произнёс он. — В смысле: прекрасно знаю, что такое бывает. Тем не менее, я не готов считать это нормой. Если придётся, то буду громче. Если не получится так, то буду хитрее. Однако, сначала попробую честно.

— «Сначала честно» — это слоган наивных, — проворчал Николай, но при этом улыбнулся. — Ладно. Я всё равно за тебя.

Тишина вернулась, но уже не колола иголками тревожности, а грела словно шерстяной свитер, который чешется,

но без него вообще холодно. Артур поймал себя на мысли о том, что его дыхание стало ровнее.

— Слушай, Николай, — спросил он, — ты все свои билеты отпечатал к сессии?

— Да, все отпечатал, — кивнул тот. — Разумеется, оставил место и для рубрики «Не по теме». Всегда найдётся тот, кто спросит «не по теме». Однако, я считаю, что «не по теме» — это тоже тема, просто специфическая. Просто не сразу и не всем она видна и понятна.

— Вот бы и в нашем деле «не по теме» оказалось тем самым, — тихо, но несколько оживившись, произнёс Виктор. — Чтобы где-то внизу подписей, печатей и резолюций нашлась строчка для глагола «Разрешить».

— На самом деле, «разрешить» — это далеко не самое трудное слово, — несколько въедливо заметил Плотников. — Труднее потом не запретить. И не забыть. Тем не менее, сейчас важно одно: дожить без лишних нервов до завтра.

Артур взглянул на свои записи в блокноте; его интересовал список задач на неделю, в каждой из которых каждое «сделать» уже давно упиралось в чей-то чужой ответ. Он перелистнул страницу и пустил по полю тонкую линию карандашом — от «Подтвердить графики» к «Получить код доступа в лабораторию». С одной стороны, эта линия выглядела со стороны смешной, но, с другой стороны, чувства и выводы от неё проистекали вполне ясные: когда не можешь влиять на исход действиями, приводи в порядок мысли, информацию и самочувствие.

К столику неожиданно подошла студентка с подносом — несколько робкая, в непомерно большом белом халате для практики.

— Артур Евгеньевич, — тихо, вполголоса обратилась она к доценту, — можно вас на минуту? По отчёту. У нас обозначен пункт про «сохранение когерентности», а я не поняла, надо ли отмечать такие действия, как «исключить наблюдателя» или «минимизировать вмешательство наблюдателя».

— Пишите лучше: «Минимизировать», — ответил Артур. — «Исключить» — слово, несомненно, по-своему красивое, но в реальной жизни практически не работает. Помимо этого, добавьте: «Наблюдатель — это не шум, если он понимает, что делает».

— Спасибо, — девушка кивнула, прижала поднос к своему животу, чтобы с него ничего не слетело, и покинула компанию преподавателей, просачиваясь между столов.

— Вот ведь, — вдруг изрёк Николай, — студенты у нас эффективнее министерства. Подходят — спрашивают. Уходят — делают.

— Студенты просто отчётливо знают, что такое «завтра», — снова вмешался со своими философскими интерпретациями Плотников. — Министерства же существуют в состоянии «вчера», а иногда — даже в статусе «никогда».

Артур почувствовал, как эта поддержка — простецкая, товарищеская, соседская — словно подсунула под него снизу ещё одну невидимую, но дающую дополнительную устойчивость табуретку. Сидеть за столом стало твёрже и спокойнее. Он улыбнулся, причём не той мимикой, которую люди привыкли нарочито демонстрировать на фотографиях, а каким-то естественным внутренним побуждением, благодаря которому углы губ становятся по-настоящему мягче и добрее.

— Мне сейчас хочется сказать глупость, — произнёс он. — «Мы это заслужили». Однако, это не так. Или не совсем так. Такие слова произносят тогда, когда хотят убаюкать себя, утешить себя иллюзиями. На самом же деле, никто ничего не «заслуживает» заранее. Есть то, что ты уже реально сделал; и, возможно, будет то, что ты ещё успеешь сделать, если не остано-

вишься. — Он пристально посмотрел на Виктора. — И если будешь рядом в случае не только успеха, но и отказа.

— Буду, — без единой тени сомнения откликнулся Виктор. — Хотя тебя, Артур, иногда и заносит на поворотах, как в гололёд.

— Зато ты, Витя, — будто песок под колёсами, — ответил Артур. — Нужный, вовремя тормозящий.

Товарищи подняли свои стаканы с чаем, будто собирались отметить проникновенное мгновение тостом за науку, за терпение, за то, что ещё вообще можно надеяться. Чай был крепким и терпким, а лимон плавал в нём, упираясь в стекло, как солнечный круг. В этот миг Артуру казалось, что в столовой стало тише; хотя, возможно, это у него внутри стало тише. Как минимум, улеглись почти все лишние мысли.

— После обеда зайду к Громову, — обозначил свой план действий Виктор. — Секретарша обещала позвонить «вовремя». Слово, несомненно, хорошее, но редкое. Если что, то собираемся у ректора в кабинете.

— Собираемся, — подтверждающе кивнул Артур. — И если телетайп зазвенит, то будем рядом. Не хочется, чтобы этот момент застал нас в разных местах.

— Тогда — по парам, — подытожил доверительный полилог Николай, взглянув на свои часы. — У меня сейчас алгебра с третьекурсниками. Сегодня разбираем «Ядро и образ». Давно не было настолько красивых слов. Их произносишь, и будто во Вселенский Порядок веришь.

— А у нас — лабораторка, — продолжил Виктор. — Попробуем на старом термосе хотя бы воспроизвести вчерашние цифры. Я лучше надзор устрою, чем буду искать новый.

— А мне надо дописать раздел для «человеческого» варианта, — поделился «сокровенным» Артур. — Про «хрупкое время». Елена подсказала хорошую формулировку. Пожалуй, возьму её себе с разрешения автора.

Товарищи встали со своих мест практически синхронно. Металлические ножки стульев скрипнули по старенькому столовскому линолеуму. Каждый забрал свой поднос словно «на автопилоте», такова выручающая в жизни привычка: оставлять за собой чистоту, даже если всё вокруг ещё не определилось. На выходе из столовой Артур притормозил и оглянулся: граждённые стаканы, ещё одна тёмная котлета в лотке, слегка мерцающие лампы под потолком, окно с серым небом... Он постарался запомнить это, как запоминают исходные координаты в корректно ставящемся эксперименте.

— До вечера, — спокойно сказал Виктор.

— До вечера, — также без лишних эмоций повторили почти в унисон Щербаков и Плотников.

Артур вышел в коридор и ощутил, что воздух стал прохладнее, пропитался запахом мела и старой бумаги. Он шёл к своей кафедре и впервые за долгое время ожидания ощущал не только притихнувшую после трапезы тревогу, но и некоторое спокойствие — как перед экзаменом, к которому ты выучил всё, что мог. Соответственно, всё остальное дальше зависит уже не от тебя. Значит, и любые «трепыхания» абсолютно бессмысленны.

* * *

На кухне было прохладно. Оконная занавеска из ситца подрагивала от сквозняка: старые рамы пропускали ветер, и даже плитка на подоконнике чуть посерела от инея.

Артур стоял у плиты, в пижаме и рубашке нараспашку. Движениями, отточенными годами, он разбил два куриных яйца и плюхнул их содержимое на уже нагретую поверхность чугунной сковороды. Тут же зашипело масло, и запах поджариваемой пищи мгновенно наполнил кухню. Обычно завтрак готовила Лена — чаще всего яичницу с поджаренным хлебом и сладкий чай. Однако, сегодня она была в Азово, навещала своих родителей.

Квартира без её шагов и голоса казалась вымершей, словно все активные звуки в этом пространстве затаились

до её возвращения. Керин положил вилку с хлебом на стол, поставил рядом тарелку с наложенной на неё яичницей. Съел достаточно быстро, но без особого аппетита, поскольку большая часть внимания всё также была занята темой того, что ему и его команде ответят из министерства. Практически все мысли доцента крутились только вокруг этой темы.

Пламя под сковородой всё ещё что-то тихо нашёптывало, оставшаяся капля масла потрескивала в её центре. Артур машинально потянулся к вентилю, и в этот момент зазвонил телефон.

Аппарат связи, висящий на одной из стен, раздался звуком настолько резко и неожиданно, что Керин чуть не пролил чай из чашки. Взяв себя в руки, он не менее резко подскочил и схватил рукой трубку.

— Алло?

— Артур Евгеньевич? Это — приёмная Дмитрия Павловича. — Голос секретарши был вежливо официальным. — Дмитрий Павлович просил вас с Виктором Петровичем зайти к нему сегодня в одиннадцать. Ответ по вашему проекту пришёл.

Артур почувствовал, как воздух вокруг него стал как будто бы тяжелее.

— Ответ... — повторил он глухо вслед за помощницей ректора. — Понял. Мы будем.

— Он просил не опаздывать.

— Хорошо.

— Всего доброго!

— Всего хорошего.

В трубке щёлкнуло разомкнутым соединением. Керин застыл у своего телефона, вслушиваясь в оглушительную тишину вокруг. Четыре месяца более или менее напряжённого ожидания, N-ого количества писем, звонков, бессонных ночей..., и вот оно — желанное слово «пришёл».

Артур вернулся на кухню, и тотчас из окна подул сильный ветер — створка оконной рамы с диким грохотом ударилась о ближайшую стену, пламя на плите дрогнуло и погасло.

* * *

Омск встретил Артура порывистым ветром. Небо над головой было низкое и мутно серое. По обледенелым тротуарам семенили женщины с авоськами, редкие автомобили с трудом ползли по заснеженным улицам.

Артур шёл вперёд очень интенсивным шагом, прижимая свой портфель к боку. Мысленно он сам себе непрерывно повторял: «Спокойно..., спокойно...». На улице Тарской ветер забивался Керину за воротник, щипал ему шею, а гдето вдали городской автобус напрягал свой мотор далеко не первой свежести... При этом его не покидало ощущение, что он о чём-то забывал, но о чём именно — сообразить никак не удавалось; какой-то не совсем очевидный факт словно ускользал от его мысленного взора.

Артур стремительно пересёк двор университета. Его здание казалось угрюмым: серый невзрачный камень в облицовке, облупившаяся краска на рамах, да ещё и тусклое освещение в придачу. Внутри вузовского корпуса пахло обильным слоем пыли, мелом и старыми книгами.

В гардеробе вечно хмурый Иван Иванович кивнул навстречу:

— Опять спешите, Артур Евгеньевич?

* * *

Первая пара занятий прошла как будто в тумане. Керин стоял у доски и держал в своей руке мел, но лихорадочно пляшущие мысли не слушались его.

— Итак, товарищи, — произнёс он, пытаясь повысить голос до менторского баса, как минимум, для того, чтобы отвлечь самого себя от того, что мешало ему сейчас работать, а отнюдь не с целью устрашения студентов, в каждом из которых, несмотря на всю их специфику, он, всё-таки, видел и уважал личность, — если принять, что измерение не разрушает волновую

функцию, а лишь замедляет её коллапс, то... — Он оборвал сам себя. — Кудрявцев, повтори, в чём принцип суперпозиции!

Молодой студент поднял на него свои глаза:

— Данный принцип отображает состояние, при котором система находится во всех возможных состояниях сразу, пока мы его не измерим.

— Верно. — Артур улыбнулся. — А теперь представь, что мир представляет собою именно такую систему. Иначе говоря, пока никто не «измерил» твоё будущее, ты, по большому счёту, можешь быть кем угодно: отличником, двоечником, учёным, дворником... — Керин постучал по доске крошащимся мелом. — Получается, что всё решает наблюдение.

Он поймал себя на мысли о том, что говорит слишком эмоционально. Несколько голов поднялись от своих конспектов. Кто-то продолжал внимательно слушать и записывать дальше.

— Однако, — добавил Артур уже спокойнее, взяв себя в руки, — ни в коем случае не путайте данный принцип с фантазией. Это — не магия, а Вероятность. В отличие от первой, вероятность — это очень упрямая штука, которая как раз таки ИЗМЕРЯЕТСЯ.

* * *

Виктор уже ждал его в лаборатории: сидел на табурете и старался спокойно пить чай из алюминиевого стакана.

— Ну что, — произнёс он безо всяких прелюдий, — пришёл?

— Конечно, пришёл, — утвердительно кивнул Артур. — Громов ждёт к одиннадцати.

— Чувствуешь? — Виктор выразительно приподнял одну из своих бровей.

— Что?

— Как пахнет пылью. Она всегда так отчётливо пахнет перед приближающимися переменами.

Артур криво усмехнулся:

— У тебя даже пыль поэтична.

Потом они вместе шли по коридору, стены которого были выкрашены в тусклый жёлтый цвет; на подоконниках топорщились засохшие фикусы и также не вызывали никакого оптимизма. В коридоре висел свежий портрет Горбачёва, под которым располагилась табличка с лозунгом: «Перестройку в работе начинай с себя!».

Артур скользнул взглядом по лозунгу.

— Вот видишь, — отметил Виктор. — Даже лозунги переживают за нас.

Товарищи синхронно остановились у двери с табличкой «Ректор Громов Д.П.». Из-за неё доносились чьи-то выразительные голоса. Артур поправил свой слегка помятый галстук — скорее для того, чтобы успокоить свои напряжённые нервы, чем для наведения порядка в одежде.

— Готов? — спросил Виктор.

— Готов, — ответил Керин, хотя сердце его билось где-то высоко в горле.

Артур постучал, и дверь распахнулась.

* * *

Пивная «Политех» гудела, как трансформаторная будка: ровно, убаюкивающе, с редкими тресками смеха. В желтоватом свете повисшей лампы стекло в окнах казалось мутным льдом, на котором кто-то левой рукой вывел пальцем

«Зима — это надолго». На столах теснились тарелки с селёдкой и жареной картошкой, тёмный хлеб, валялись крошки, отблёскивало пролитое пиво. Пол был покрыт песком, перемешанным со снегом. Висевшие в углу настенные часы с чёрными цифрами тикали слишком громко, будто дразнили: время уходит, время уходит, время уходит...

— «Не соответствует направлениям приоритетного финансирования», — повторил Виктор так, словно пробовал слово на жёсткость. — И ещё: «В текущей пятилетке нецелесообразно». Как будто мы просили их построить второй «Байконур», но в Омске!

— И «с учётом концентрации ресурсов». — Добавил Николай и машинально потянулся к кильке в томатном соусе. Вилка звякнула о край тарелки. — Это я особенно люблю. Концентрация — где-то далеко, у других. А у нас — разведение.

Плотников сидел боком, покачивая ногой. На его столе стояла пузатая бутылка без этикетки — в бумажном пакете, словно она чем-то дискредитировала или даже срамила его. Несмотря на то, что Николай не особенно прицеливался своим глазомером, он наливал спиртное аккуратно, как хирург, не проливая ни капли мимо.

— С формальной стороны всё, вроде бы, красиво, — продолжил он. — Список сомнений, экспертные подписи, резолюция. На практике же, судя по всему, кто-то кому-то другому пообещал... Громов честно попытался, но когда сверху уже сложили картинку, снизу можно было только кивнуть.

Артур слушал, но словно через какое-то незримое стекло. Слова доходили до его восприятия с некоторой задержкой, как радиосигнал из космоса: человек уже ответил, а звук от него ещё идёт... Он держал свою кружку двумя руками, чтобы те не дрожали, и думал о том, как смешно устроена память: ты прекрасно помнишь каждый шорох утра — как лопнуло яйцо в сковородке, как чайник вздохнул перед свистком, как лифт скрежетнул дверями... и совсем не помнишь, что говорил Громов. Артур прокручивал в своём воображении только ректорские губы и орденскую планку,

а слова начальника расплзались вокруг будто влажные чернила.

Тридцать два. В голове всплыло это число, как пробка от шампанского, которую кто-то держал пальцем, а потом отпустил. Тридцать два — ещё не старость и уже не юность, тот самый возраст, когда спрашиваешь себя: «Ну?». Менделеев в этих годах уже держал в руках свою таблицу как икону. Эйнштейн к тридцати двум уже успел поссориться со всем научным миром, но, несмотря на это, влиться в него. А он, Артур Керин... Он объясняет «хрупкое время» второкурсникам, которые зевают, и пишет заявки, которые уходят в какую-то чёрную бюрократическую дыру.

— Я не хочу произносить банальщину наподобие «всё к лучшему», — произнёс Николай, словно прочитал мысль. — Ненавижу эту фразу. Она что-то отнимает. Какой-то искренний яростный запал к необходимой борьбе. Давайте говорить по-настоящему, по-мужски. Мы получили результат. Он неприятный, но чистый. Вышло «нет». Значит, есть варианты «как». Публикации, семинар в Академгородке... Узкий коллоквиум в формате «только свои». Шум через «письма» — коротко, но ёмко. Мы продолжаем играть, пусть и без скрипки Страдивари.

— В Академгородок — да, — одобрительно кивнул Виктор. — На следующей неделе у них там семинар по низким температурам. Если пробьёмся в программу, то отлично. Если нет, то поедем просто так, поприсутствовать и пообщаться в кулуарах. Там решается даже больше.

Артур сделал очередной глоток. Пиво было тёплым и словно плоским — как вода из-под батареи. Он поставил кружку на стол и сам удивился звуку: будто поставил не стекло на твёрдую поверхность, а точку в конце длинного и уже поднадоевшего предложения.

«Сколько пунктов в моём списке “если”? — подумал он. — Если дадут, если пустят, если прочитают, если услышат, если... Я живу в условном наклонении. Не в настоящем, не в будущем. В условном».

— Ещё одно «если», — произнёс Плотников, как будто отчётливо прочитал мысли Керина. — Если мы не будем прятаться. Артур, то это твоё. Встань и говори. Ты умеешь. Ты делаешь так, что сложное не становится глупым. Дай людям повод думать вместе, а не вместо.

Артур хотел ответить «да», но накатил другая волна. Вспомнился школьный коридор с белёными стенами, где Данил Семёнов стоял, прижав к шкафу другого. Вспомнился секретный дневник и то, как он — миниатюрный ученик — аккуратно, буква к букве, перерисовал двойку, чтобы «справедливость» нашла путь через чужие руки. Сколько лет прошло? Двадцать? А

ощущение одно и то же: ты делаешь всё, что можешь, а результат приходит не через тебя. Через кого-то.

— За «условия среды»! — воскликнул Виктор, разливая очередную порцию горячительного. — Чтобы они когда-нибудь поменялись! В лучшую для нас сторону, разумеется.

Товарищи выпили. Водка вошла внутрь горячо, и на секунду стало ясно: вот сейчас, может быть, станет легче. Однако, не стало. Лёгкий жар смылся ровным туманом, как если бы кто-то побрызгал тёплой водой на замёрзшее стекло — вроде бы, и оттаяло, а для просмотра всё равно мутновато.

— Громов старался, — тихо констатировал Виктор, глядя в стол. — Я видел. Он не врал. Он устал сегодня. И так сказал, что мне его стало жалко.

— А мне не жалко, — отозвался Плотников. — По большому счёту, он — просто часть механизма. Делает, что может. А может он чуть больше, чем ничего. Однако, это — точно не наша боль. Наша — в том, чтобы не выдохнуться.

Артур кивнул, хотя не был уверен, кому именно из ребят. «Не выдохнуться», — смешное словосочетание. Ты — словно мех, который обслуживает кузнеца, и твоя задача — дуть и дуть, пока огонь разгорится. А если огонь — и не твой вовсе? Если это — вообще не кузница, а мыльный пузырь?

Гул за столиком справа стал громче: другие посетители «Политеха» спорили про магнитофон «Электроника», кто-то

хвастался, что смог его достать через знакомого. «Через знакомого», «по списку», «по благу», — эти слова стояли рядом с понятиями «талант», «социальное благо» и подобными им — как тени рядом с человеком. Никуда их не денешь и так просто не выкинешь.

— Артур, — Николай положил ладонь ему на рукав, тёплую, сухую, — ты слышишь меня?! Мы живы. Мы не на кладбище идей. Это — всего лишь отказ, пусть и очередной по счёту. Это как призывная комиссия: ты можешь быть «не годен к строевой», но зато вполне пригоден к другим подвигам.

Керин хотел улыбнуться в ответ, но получилось что-то корявое, кривое.

— Я слышу, — наконец, произнёс Артур вслух. — Я просто... — Он искал слово и не нашёл. — Устал. Слишком много думал, слишком мало получал в ответ. Как будто разговариваешь с океаном: ты кричишь — он дышит, но не отвечает.

— Он отвечает, — упрямо возразил Виктор. — Только позже. И не всегда так и тем, чего ты хочешь.

Плотников налил водки ещё. Артур не стал отказываться. Он употребил её так легко, как воду. Потом ещё. Слова перестали цепляться; мысли текли, как густой сироп: медленно, липко... Где-то внутри ждал голос Елены — «Артур, ты здесь? Как прошёл день?» — но он отодвинул его, как дверь шкафчика, которую уже нет сил закрыть так, как следует: пускай будет приоткрытой.

— Ладно, мужики, — Николай посмотрел на часы. — Мне утром к третьему курсу. Когда встаю в таком состоянии, ненавижу себя. Лучше поеду я...

— Я тоже, — Виктор поднялся следом за Щербаковым. — Артур, идём?

— Я ещё посижу, — задумчиво отозвался Керин, при этом сам удивился тому, насколько ровно звучит голос. — Немного. Хочу побыть один.

Виктор замялся:

— Тогда я оставляю тебе жареной картошки. И воды. — Он пододвинул тарелку поближе к своему товарищу. — И обещай, что домой поедешь на такси. Не геройствуй.

— Обещаю, — утвердительно, но как-то вяло кивнул Артур.

Ребята ушли — сначала в курилку, потом за дверь, и звяканье колокольчика над входом отозвалось в пивной словно ловушка для тишины. Стало непривычно спокойно. Бармен про-

тирал стойку, двери, ведущие на кухню, хлопали как створки мехов. Часы тикали громче, чем раньше.

Артур налил себе остатки спиртного. Положил локти на стол и спрятал своё лицо в ладони. «Сколько нас таких?» — подумал он. — «Кто сделал всё, что мог, и ждёт, что мир улыбнётся и скажет: «Ну ладно, проходи». А мир пожимает плечами: «Я занят».

Керин мысленно увидел себя со стороны — как в мутном зеркале: сутулые плечи, красные глаза. Преподаватель, доцент. Хороший, говорят, лектор; «умеет объяснять». Смешно. Он хотел быть не только тем, кто объясняет чужим детям чужие открытия. Он хотел оставлять следы — не крошки на столе, а линии на карте мира.

Артур поднялся со своего места и расплатился, даже толком не пересчитывая деньги. Бармен, приняв оплату, одобрительно кивнул в ответ. На улице ветер вонзился в лицо как иголки. Снег был мелкий и сухой, противно прилипал к воротнику. Артур шёл вперёд и считал свои шаги: до угла — сорок, до остановки — ещё тридцать, до дома — сколько? Он не помнит. Дворник махал своей лопатой, оставляя какие-то замысловатые узоры на снегу. Кто-то матерился в подворотне. Город звучал глухо, как большой барабан, который прикрыли одеялом.

В киоске «Союзпечать» жёлтым пятном горел свет. Артур остановился. На стекле висели газеты; рядом находилась витрина киоска со спичками, «Беломором», шоколадом «Алёнка» и пачками «Столичных». Он смотрел на сигареты, как на экзотическую рыбу: никогда не курил, потому что в детстве запах табака казался ему запахом каких-то

посторонних взрослых. Он постоял ещё немного и вдруг произнёс вслух: «А почему бы и нет?».

— «Столичные», — сказал Керин, подойдя к окошку. Собственный голос казался ему чужим. — И спички.

Продавщица взглянула на него быстро и равнодушно, протянула запрошенные пачку и коробок. Артур сунул их в карман и почувствовал, насколько тяжело двигается его рука в рукаве пальто — будто к ней привязали маленький невидимый якорь.

Подъезд дома встретил Керина темнотой и запахом сырости. Лампочка под потолком горела вполнакала; стены были исписаны каракулями и цифрами — кто-то тренировал свои навыки в арифметике. Ключи застревают в замке, как будто дверь не хотела впускать Артура домой. В квартире оказалось холоднее, чем он ожидал. Он не стал включать электрический свет и прошёл на кухню в полумраке, нащупал на столе тарелку — ту самую, стеклянную, с остатками утренней еды.

Керин сел на стул, открыл пачку с сигаретами неловкими пальцами. Достал одну из них плохо двигающимися пальцами и чиркнул спичкой. Запах серы резко ударил ему в ноздри. Тусклый огонёк спички дрожал, как маленькая звезда, которая вот-вот упадёт с неба, если её не поддержать.

Первый вдох табака отозвался кашлем. Горло обожгло, голова на мгновение стала лёгкой, как у аквалангиста, вынырнувшего слишком быстро. Артур посмотрел на тлеющий кончик — красная точка светилась в темноте, маленькая, упорная. «Вот и вся моя звезда», — подумал он.

Он затаился ещё раз, уже медленней, странно наслаждаясь ощущением свалившейся на него болезненности. Затем Керин затушил сигарету о край тарелки, но пепел остался на ней серым комом. Он встал, на мгновение остановился в дверях — его взгляд скользнул по пространству кухни: газовая плита, подоконник, стопка книг, шаль Елены на спинке стула... Всё это вдруг показалось ему до боли родным, хрупким, будто кто-то вот-вот выключит свет навсегда.

Артур глубоко вдохнул. В груди что-то странно ёкнуло — как будто сердце споткнулось. Затем он пошёл в ванную и открыл там кран — вода зашипела в эмалированной ванне. Снял рубашку, бросил на стул, глянул в зеркало. На секунду показалось, что во мраке его отражение отстаёт — будто зеркало думает дольше, чем он сам. «Господи, хоть бы... хоть бы раз полу-

чилось...». Последняя мысль не имела адресата. Просто вырвалась. Он шагнул к двери. В тот момент, когда его пальцы легли на выключатель — мир очень резко дёрнулся. Не звук, не свет — именно всё. В одно мгновение воздух стал плотным, как волна, лампа вспыхнула белым солнцем, а потом — ничего. ... Ни звука, ни света. Только тишина. Тишина, в которой не было даже самого Артура.

Глава 2. Новый мир

Кабинет главврача был не столько рабочим помещением, сколько складом старых решений. На подоконнике — горшок с фикусом, давно потерявшим веру в зелень. У окна стоял сейф, облупленный и перекошенный, а за столом — сам главврач, Анатолий Сергеевич Кузнецов, человек с густыми седыми висками, в белом халате, который уже не спасал его от холода. Он сидел, опершись подбородком на руки, и смотрел на стену, где висел пожелтевший портрет Гиппократов. На столе перед ним лежала тонкая папка с грифом «Смета — отделение интенсивной терапии», сверху — красная приписка: «Сократить расходы на содержание палаты № 7 (вегетативные пациенты)». Главврач выдохнул. — Вот и всё, — сказал он тихо. — Дожили. В дверь осторожно постучали. — Можно? — голос был мягкий, почти певучий, молодой. — Заходи, Марина. В кабинет вошла стройная девушка лет двадцати пяти с аккуратным колпаком и рыжими волосами, выбившимися из-под него. Медсестра, только что окончившая аспирантуру с отличием, держала в руках папку с отчётами. На лице — следы усталости, но и какое-то светлое упорство, свойственное тем, кто ещё не научился верить в доброту профессии. — Вы просили принести журналы учёта, Анатолий Сергеевич. — Да, да... — он кивнул, протянул руку. — Садись. Она села на край стула, поставила на стол стопку бумаг. Главврач долго перелистывал страницы — шелест бумаги звучал громче, чем нужно.

— Нам урезали финансирование, Марина, — сказал он. — Из Москвы пришло распоряжение. В два раза. Даже на питание врачей не хватает, не говоря уже о капельницах. Марина кивнула. Без удивления. — Придётся решать, — продолжил он. — Сколько у нас «долгих» в коме? По отчётам — семеро, но реальные? — Трое, — ответила Марина тихо. — Остальные... не дожили. — Фамилии. — Палата № 7 — Бойцов, шесть лет и двадцать два дня. Палата № 3 — Харламов, семь лет и сто пятнадцать дней. И палата № 9 — Керин, девять лет и триста тридцать четыре дня. Все на аппаратах. Все без динамики. Главврач кивнул, обхватив лоб ладонью. — Почти десять лет... Господи. — Он помолчал, потом, сухо спросил: — Сколько стоит содержание одного? — С лекарствами, питанием и аппаратурой — около двух миллионов рублей в месяц. Он криво усмехнулся: — Ну, значит, «вечно живые» у нас обходятся дороже, чем те, кто живёт. Марина не ответила. — Слушай, — сказал он после паузы. — Мы не потянем. Нам нужно освободить аппараты. Есть дети после аварий, есть травмы, кому шанс есть. — Я понимаю... — прошептала она. — Нет, ты не понимаешь, — резко сказал он, потом смягчился. — Я сам не понимаю, как это делать. — Приказ сверху? — Нет. Это не приказ. Это математика. Он откинулся на спинку стула, глядя в потолок. — Знаешь, что самое страшное, Марина? — Что? — Мы всё это делаем, думая, что спасаем. А в итоге просто учимся выбирать, кого оставить. Она молчала.

— Сколько из них есть родственники? — спросил он, потирая виски. — У Бойцова никого. У Харламова — отец и мать. У Керина тоже отец и мать, оба живы. Главврач кивнул, глядя в окно. — Надо позвонить Кериным и Харламовым, узнать, могут ли они выделить финансирование, — сказал он. — А Бойцова вычеркни сразу. Там и звать некого. Марина кивнула, делая пометку в журнале. Он встал, подошёл к окну. За мутным стеклом метель мотала серую пыль снега. — Хотя... — произнёс он после паузы. — Подожди. Марина подняла

взгляд. — Что? Он медленно повернулся, глаза усталые, но решительные. — Не звони Кериним. Скажи им, что он скончался. Сердце, остановка дыхания — выбери что-нибудь правдоподобное. — Почему? — осторожно. Главврач повернулся, его глаза устали быть глазами врача — в них было что-то человеческое, уставшее, тяжёлое. — Потому что я знаю, что будет, если предложить. — Они согласятся? — Конечно согласятся. Они и так хлеб доедают с горбушкой. Семья Харламова не обеднеет. Керины пойдут, займут, продадут, принесут последние копейки — лишь бы спасти сына. А мы... — он сжал кулак. — Мы просто продлим мучение ещё на месяц. — Но ведь решение... — Решение уже принято, Марина. — Вами? — Нет. — Он криво усмехнулся. — Им. Вон там, где подписи на бумагах ставят, а потом спят спокойно. Марина кивнула, но губы дрожали.

Он сел обратно, достал из ящика лист бумаги и начал писать.

Почерк был угловатый, но ровный:

«По решению комиссии. Прекратить аппаратное обеспечение пациентов без положительной динамики при отсутствии частного финансирования».

Она взяла лист осторожно, словно стекло.

— Я всё сделаю, Анатолий Сергеевич.

Он устало откинулся в кресле, не глядя ей вслед. Дверь мягко закрылась.

Кузнецов остался один. В кабинете стояла тишина, только старый радиоприёмник тихо потрескивал — передавали новости о сокращении бюджета и каких-то переговорах Ельцина.

Он достал из кармана коробку «Беломора», достал сигарету, но не закурил — просто держал её в пальцах, глядя на дымящиеся следы от старых окурков в пепельнице.

На столе остались три фамилии.

Он провёл пальцем по каждой, задержался на последней — Керин А.Е.

Тонкая строка, семь букв, десять лет жизни, спрятанных между цифр и форм.

— Хоть бы... хоть один из вас... — пробормотал он, не закончив мысль.

Фраза растворилась в гудении лампы дневного света, которая моргнула и погасла.

Мрачноватый коридор практически насквозь пропах карболкой и старой краской. Узкие окна давали мало света; февральский день был серым, словно плохо выстиранная простыня, и даже лампы дневного света полноценно не справлялись с вязкими гнетущими тенями. Марина закрыла за собой дверь кабинета главврача и на несколько секунд прислонилась своими лопатками к прохладной стене. Сердцебиение отдавалось в её горле так, как будто девушка только что интенсивно бежала вверх по лестнице. Её пальцы похолодели, а в горле стоял отчётливый привкус железа.

«Дыши, — сказала она себе беззвучно. — Просто дыши, Марина».

Она работала здесь всего лишь полгода: сначала как медсестра-стажёр, одновременно заканчивая аспирантуру; потом, после защиты кандидатской диссертации, её оставили в учреждении как перспективного специалиста. «Голова светлая, руки нежесткие, — говаривал иной раз заведующий. — Пациенты во время твоих дежурств дышат ровнее». Самое важное в том, что Марина искренне и практически безоговорочно верила в то, что всё это пространство выражает идеалы гуманности, профессиональной заботы, да и вообще морального долга каждого гражданина. Однако, сейчас ответственная категория «профессия» очень громко и неприятно столкнулась с каменным бордюром под названием «решение». При этом оно не было каким-то абстрактным, спущенным откуда-то «сверху», дистанцированной казённой бумагой, а выступало в роли вполне определенно аппарата, конкретной вилки в розетке, влияло на конкретного, дышащего — пусть и очень слабо — человека, находящегося долгое время под белой типовой простынёй.

Марина взяла себя в руки и дальше старалась держать свой привычный шаг — размеренный, ровный, уверенный. Слева от неё проплывали двери с табличками: «Процедурная», «Перевязочная», «Палата № 3». В голове, словно комом, пульсировала мысль: сначала надо

сделать звонки, потом... Девушка сама себе на интуитивно-предохранительном для психики уровне не дала закончить фразу.

В сестринской было тепло, даже слишком тепло. Над батареей сушились марлевые салфетки, на столе, как обычно, стоял старый чёрный телефон. Он был тяжёлый, как будто даже голосу через него требовался разгон, прежде чем звуки пробьются сквозь угольные витки. Рядом лежала учётная книжка, в которой был виден аккуратный почерк, исчеркавший бумагу номерками и пометками: у каждого пациента был свой квадрат: фамилия, дата поступления, диагноз, контакты.

Марина села за стол, поправила свой белый колпак, открыла страницу с закладкой. «Палата № 7 — Бойцов». Под номером телефонов — пусто. Она отложила страницу. «Палата № 3 — Харламов: отец — Павел Ильич: 9-17-46; мать — Вера Степановна: 5-61-02; домашний — 3-32-19». «Палата № 9 — Керин — Евгений Николаевич, Анна Васильевна — домашний 6-04-11».

Медсестра нервно постучала своими ногтями по столу несколько раз, затем она целенаправленно и решительно взяла трубку и повернула диск. На шестёрке диск пружинил под пальцем — сначала слишком легко, а потом туго, словно передумывал.

Гудки шли долго. На шестом из них, наконец-то, раздался щелчок, свидетельствующий об установлении связи; и прозвучал женский голос, настолько осторожный, словно спрашивал о чём-то незнакомца в темноте:

— Алло?

— Здравствуйте. Вера Степановна? Это — больница, отделение интенсивной терапии. Вас беспокоит медсестра Марина...

— Да, да. — Голос стал одновременно ровнее и тише. — Как наш сынок? Что-то случилось?

Марина поймала себя на том, что открывает рот, а слова не идут. Она вспомнила фразу главврача: «Позвони Харламовым. Спроси, смогут ли...». С другой стороны, словно повисла в воздухе та часть, которая касалась Кериных. Девушка представила, что её голову с двух сторон будто сжимает какая-то невидимая скоба.

— Мы... — она сглотнула. — У нас очень сложная ситуация по финансированию работы отделения. Нам необходимо обсудить вопрос вашего частичного участия в... содержании... вашего сына.

На том конце провода повисла тишина. Через дюжину секунд, показавшихся Марине вечностью, раздался тяжёлый, как удар, вздох.

— Содержании?... — повторила Вера Степановна медленно. — Вы хотите сказать... ещё надо платить? Мы... Мы платим, чем можем. Мы уже приносили не так давно...

— Да, я помню. — Марина говорила мягко, осторожно. — Речь не о подарках. Речь о длительном содержании. Аппаратура, питание, лекарства... У нас снова бюджетные урезания... Мы должны понимать, готовы ли близкие поддержать лечение...

Эмпатийная девушка ненавидела этот казённый лексикон: чужой, постыдный, до жути громоздкий. Ей было вдвойне тяжело от осознания того факта, согласно которому речь шла, по сути дела, не о «поддержке лечения», а о возможности не выключить провод.

— Сколько? — спросил другой голос — мужской, старческий, с хрипотцой. Видимо, Павел Ильич, стоявший рядом, взял трубку. — Скажите прямо, девушка. Сколько?

Марина перевела дух.

— На данный момент расходы составляют... около двух миллионов в месяц.

На другом конце было слышно, как кто-то присел, и под ним скрипнул стул.

— Мы... — Вера Степановна заговорила быстро, торопливо. — Мы сможем! Скажите, куда приносить.

— Подождите, Вера Степановна, — Марина слегка повысила голос, но достаточно вкрадчиво, без лишнего давления. — Я просто обязана сообщить: мы рассматриваем всех пациентов по одной и той же схеме. Это — не обещание чего-либо, не гарантия, а всего лишь гипотеза. Если вы сможете... — она зажмурилась, — то мы будем ходатайствовать.

Из трубки послышались всхлипы. Мужской голос снова взял инициативу.

— Девушка. Вы — живой человек. Вы видите его практически каждый день. Скажите... — Отец Харламова споткнулся на полуслове, словно невидимые клещи сжали его горло нестерпимой болью. — Скажите честно: есть ли в этом смысл?

Марина уставилась на окрашенную грубыми мазками стену. Неровности шли волнами, словно отображая рельеф старой физической карты.

— Я не компетентна в том, чтобы давать подобные прогнозы, — тихо защищалась стажёрка не столько от родителей пациента, сколько от уколов собственной совести. — Я — всего лишь медсестра: могу ухаживать за больными, могу следить за их кожей, температурой, питанием... Могу замечать малейшие изменения в их внешнем виде и поведении. Несмотря на всё это, я — не врач по прогнозам. Простите.

— Значит, нет, — с неожиданным спокойствием произнёс пожилой мужчина, и эти звуки раздались, как скрежет какого-то гвоздодёра по стеклу. — Но мы всё равно принесём. Мы будем приносить, пока... — Харламов-старший не договорил.

После этого родители пациента и Марина ещё обменялись различными формальными словами, а, помимо этого, она снабдила их именем-отчеством и временем работы дежурного врача.

После всего этого полилога девушка положила трубку на место и закрыла глаза. Это был лишь первый звонок... Дальше — Керины.

Она пролистала блокнот, и рука как будто машинально потянулась к номеру «6-04-11». Пальцы медсестры уже легли на диск телефона. Неожиданно она замерла. В голове Марины отчётливо прозвучал голос главврача: «Не звони Кериным. Скажи, что он умер». Однако, сказать что-то возможно только сказав. Как бы тавтологично это ни звучало, звонок в любом случае необходим.

Стажёрка медленно набрала цифры, словно её пальцы боролись с каким-то другим, неочевидным органом тела. Послышались гудки, и каждый из них тянулся, словно длинные резинки — как те, с помощью которых она играла когда-то со своими подружками на школьном дворе.

— Алло? — вопросительно произнёс женский голос. Чёткий, по-своему профессиональный — в аккурат как у тех людей, которые всегда держат в голове целый список дел, но всё равно часть из них дублируют в своих блокнотах. — Слушаю.

— Анна Васильевна? Это из больницы. Марина, медсестра... вашего сына.

— Да ... — Голос стал тише. — Артур... Что с ним? Он... — Слова оборвались, как будто женщина была убеждена в том, что ответы в таком контексте бывают только двух видов, и сейчас настало время для одного из них.

С одной стороны, Марина взяла себя в руки, но, с другой, какая-то внутренняя пружина словно удерживала её от того, чтобы та смогла начать. В висках стучало, в горле застрял противный комок. Кто-то, сидящий на левом плече, въедчиво нашёптывал: «Скажи, как тебе велели. Скажи, что он умер»...

В этот напряжённый момент дверь в сестринскую неожиданно приоткрылась, немного разрядив обстановку. Просунулась голова санитарки Тони — широкоскулой, с пуховыми ресницами.

— Марин, там в седьмой капельницу смотрели? Капает туго.

— Сейчас, Тоня, — прошептала медсестра в ответ, прикрывая трубку телефона своей ладонью. — Сейчас подойду.

Марина вернулась к разговору с матерью Керина.

— Анна Васильевна, — продолжила стажёрка, немного выдохнув, и её голос прозвучал удивительно ровно. — Нам необходимо, чтобы вы с мужем... пришли завтра утром сюда. Это очень важно. Мы обсудим вопросы дальнейшего лечения и содержания вашего сына.

На другом конце провода повисла некоторая пауза — не звенящая пустотой, а, наоборот, наполненная оживившимся дыханием.

— Завтра утром... — повторила Анна Васильевна. — Мы придём. Мы всегда приходили, девочка. Спасибо, что вы позвонили.

Марина положила трубку и примерно минуту сидела, как будто замерев. Эта хрупкая с виду девушка внезапно ощутила острую настойчивую благодарность к собственной нерешительности. Она не смогла выполнить приказ сейчас и таким образом «выиграла» сутки. Иногда человеку

необходимо словно украсть время у трагедии — на то, чтобы собраться с силами и посмотреть в глаза неизбежному, уже не так сильно его страшась.

Седьмая палата встретила её привычными звуками: равномерное «пык-пык-пык» кардиомонитора, тихое шипение аппарата ИВЛ, мерное капание... Бойцов лежал на спине, его глаза были полуоткрыты: так бывает, когда человеческим векам не хватает сил держать глаза плотно закрытыми. Зрачки этого пациента не фокусировались, а его голова была повязана мягкой лентой для того, чтобы не запрокидывалась. Кожа имела желтоватый оттенок, словно у листа бумаги, который долго лежал под открытым солнцем.

— Ну что, Иван Петрович, — произнесла Марина почти ласково, проворачивая ролик на капельнице. — Продолжаем держаться. Смотрите, как капает. — Она даже сама улыбнулась: кому она всё это говорит? Себе? Бойцову? Богу, в которого верила её бабушка?

Медсестра поправила трубку, смазала кожу на пятке пациента мазью от пролежней, проверила катетер, отметила в карточке измеренное количество мочи. Всё это являлось, по сути дела, некой механикой профессиональной заботы, тем необходимым ритуалом, который ещё удерживает человека на этой стороне. Марина прекрасно знала: каждое движение — это символический маленький якорь.

После всех этих манипуляций стажёрка вернулась в сестринскую и ещё раз позвонила Харламовым, теперь уже на их домашний номер. Она озвучила им то же самое, что и раньше, но уже гораздо спокойнее: «Приходите завтра утром. Мы всё обсудим». Вера Степановна поблагодарила, сказала, может испечь пирог, но Марина, смеясь, парировала, что это будет выглядеть как большая и вкусная взятка.

Дальше необходимо было следовать по бумаге. По той самой, которую девушка ненавидела всею душой. Директивные фразы «отметить информирование родственников», «подготовить отключение в 22:00» звучали как отголоски из гестаповской практики времён Великой Отечественной войны.

Марина всматривалась в строки и не верила, что буквы указывают на то, что должны делать её руки. От слова «отключение» тянуло таким же холодом, как от металлической ручки на двери морга.

Когда стажёрка взяла в руки бланк, пальцы рук словно перестали её слушаться. «Я доктор, — медленно произнесла она про себя. — Я женщина, которой доверяют. Я — не рубильник». От этого ей стало немного легче.

В девять вечера звуки в отделении стихли. Посетителей уже не было, и ночной дежурный принёс Марине чай: крепкий, с запахом дешёвого бергамота. Девушка плюхнула в чашку две таблетки валерьянки, и те глухо клацнули о фаянсовую стенку.

— Ты какая-то бледная, — заметил дежурный. — У тебя всё нормально?

— Работа, — как-то бесцветно ответила Марина и сама удивилась, что это прозвучало очень буднично.

Без пяти десять она ещё раз заглянула в седьмую палату. Внутри было наполовину тёмно, только у кроватей горели маленькие невзрачные лампы. Бойцов дышал так, словно двигалась какая-то негромкая машина — например, размеренно-ровный метроном. На его тумбочке лежали пластиковые чётки; их оставила какая-то родственница другого пациента, попросив перед этим: «Если можно, то пусть и у него полежат: они приносят удачу». Марина, не будучи особенно верующей в различные ритуалы, всё же, иногда перекладывала этот предмет поближе к руке Бойцова. Она наверняка знала, что его рука не сожмётся, но и не делать этого ей словно не позволяла совесть.

На посту Марина взяла медицинскую карту и сверила назначения, затем пошла к электрощиту, где, будто лианы, спускались вниз кабели.

«Не сейчас, — программировала она сама себя. — Сначала надо позвонить врачу».

Девушка набрала внутренний номер. Заведующий очень тяжёлым, уставшим голосом подтвердил: «Да. План остаётся. Сначала седьмая».

Марине захотелось спросить, можно ли... но нельзя. Когда вопрос касается того, будет ли человек жить ещё час, у каждого на лице появляется маска — сугубо профессиональная и практически неумолимая. За неё можно спрятаться — не только от других людей, но и от себя тоже. Хотя бы на какое-то время.

Медсестра вернулась в палату и присела к Бойцову на край кровати, погладила его по руке.

— Иван Петрович, это я, Марина. Я здесь. — Она говорила негромко, будто боялась разбудить чью-то тихую надежду. — Я ничего не знаю про то, что будет там, где вы; но здесь я с вами.

Эта девушка всегда говорила с пациентами; даже тогда, когда все вокруг — начиная наиболее циничными коллегами и заканчивая наиболее близкими родственниками страждущих — считали это бессмысленным. Однажды престарелый анестезиолог сказал ей: «Голос — это тоже лекарство». Марина запомнила это на всю жизнь.

Она выключила лампу над кроватью Бойцова, оставив работающим только миниатюрный ночник. Подошла к аппарату и сделала всего лишь несколько движений. Привычных, отработанных и оттого — ещё более страшных.

Сначала было отключено питание зонда, чтобы не было регургитации. Потом Марина отстыковала ИВЛ, поставила кислород на маску — режим минимальный, «мостик». Она оставила кардиомонитор, но убрала звуковую сигнализацию: так в отделении тише, никто не поднимает тревогу из-за каждого спада.

Марина слышала каждое своё движение в таком тембре, как будто сама стала прибором. Щёлк. Щёлк. Щёлк.

Дыхание пациента под маской стало негромким, как шёпот. Через минуту оно стало реже. Через две между вдохами уже пролегли паузы, похожие на серьёзные провалы памяти. Через три минуты грудная клетка Бойцова уже перестала подниматься. Марина всмотрелась: может, это — просто задержка? Через четыре минуты послышался очень

слабый вдох, как если бы человек, оказавшийся под водой, пытался настойчиво обратиться вверх, к свету. Однако, потом наступила полная тишина.

Кардиомонитор нарисовал длинную упрямую линию. Она растянулась прямо и вполне отчётливо, практически не прерываясь — как дорожка посреди снежного поля, когда ветер сдул с неё почти все следы запорошенности.

Марина не рыдала: слёзы мешают работе, им здесь точно не место. Она просто постояла ещё несколько секунд, положив ладонь на предплечье Бойцова. Тёплое. Ещё тёплое. Ещё «чьё-то».

Затем девушка позвонила заведующему: «Время: 22:11». Записала соответствующую информацию в медкарту. Накрыла простынёй лицо «ушедшего» пациента — так полагалось — и вышла в коридор. Тот был длинным, как полоса ожидания в аэропорту, где отменили рейсы.

В сестринской Марина опёрлась своими ладонями о стол. Внутри было словно пусто, но эта пустота была не холодной, а какой-то совестливой, как мгновение молчания на митинге. «Я сделала всё правильно, — с некоторым новым нажимом сказала она сама себе. — По протоколу. По решению комиссии. По необходимости. Я — не механический выключатель; я — человек, выполняющий свою работу».

Снаружи раздались завывания; вслед за этим стало слышно, как сильный ветер колошат старый стояк. Марина посмотрела на часы. Стрелка продолжала тикать дальше. «Теперь девятая палата», — словно напомнила она себе, хотя забыть такое было итак невозможно.

Девушка вымыла руки настолько тщательно, как будто от этого могло смыться в канализацию нечто большее, чем обычные микробы. Её пальцы даже побелели от изобилия используемой мыльной пены. Марина выключила электрическое освещение в сестринской и стала продвигаться дальше по коридору. Эхо от её шагов раздавалось достаточно глухо, как будто медсестра находилась в каком-то мрачном засекреченном ангаре.

Перед дверью палаты № 9 она остановилась. На табличке было написано аккуратным почерком: «Керин А.Е.». Марина аккуратно провела по этим буквам парой своих пальцев — не потому, что ей захотелось стереть пыль с поверхности, а потому, что её конечностям было необходимо подтвердить контакт с реальностью. С этой, земной реальностью.

Марина глубоко вдохнула, постучала в дверь так, как это делают люди, которые точно знают, что им никто не ответит.

Затем она вошла внутрь.

В палате № 9 царила тишина. Не та пустая, которую слышишь ночью в подъезде спального района, а иная — вязкая, как сахарная вата: эту паутину не всегда различаемых хитросплетений ткнут совместными усилиями приборы, резиновые шланги, капли, падающие с ровной скоростью, и редкий шёпот воздуха в увлажнителе. Марина приоткрыла дверь локтём — очень аккуратно, чтобы не задеть каталку на колёсиках в углу, — и остановилась на пороге. В тусклом свете ночника кровать с табличкой «Керин А.Е.» казалась каким-то отдельным островом. На тумбочке слегка поблёскивал выдавший виды пластмассовый стакан с вмятинами, там же находились картонная коробка салфеток и аккуратно сложенные пелёнки. В углу стоял прибор с зелёным экраном; тонкая линия на нём лениво выписывала низкие волны, поблёскивая, как мокрый шнурок на фоне ночного костра.

Девушка двинулась дальше внутрь настолько же тихо, как опытные прихожане входят в почитаемую ими церковь. Несмотря на её очень молодой возраст, у неё уже была выработана привычка: не будить без необходимости ни живых, ни безмолвных. Марина подошла к кровати Артура и наклонилась к нему поближе. В очередной раз посмотрела на его длинные ресницы — странный нюанс, который девушка заметила ещё в первый день, когда её распределили на этот пост. «Красивые ресницы у мужчин всегда почему-то кажутся не к месту», — подумалось ей тогда. В данный же момент ресницы Керина бросали неподвижные тени

на его скулы. Губы у него были явно сухие и слегка потрескавшиеся. Трубка трахеостомы была аккуратно перевязана белым бинтом. На шее мужчины пульсировала тонкая синяя вена: она то немного выпячивалась, то пряталась под кожей, — обычно так плещет вода возле берега, когда из глубин поднимается многочисленная рыба.

Марина проверила лист назначений: время, подпись врача, штампы... Её пальцы двигались гораздо увереннее, чем сердце. Сердце не могло отпустить седьмую палату — Бойцова и его последний неровный выдох, и прямую линию на мониторе: та выглядела как тропа на снегу, которую больше никто не пройдёт. «Зачем я вспоминаю это сейчас?», — мысленно одёрнула

медсестра саму себя. Рассудок настойчиво твердил: «Работа должна выполняться как арифметика: последовательно, шаг за шагом, без лишних отвлечений».

— Артур Евгеньевич, — тихо произнесла девушка, — это Марина.

В таких односторонне направленных беседах — причём они могли происходить даже с теми пациентами, которые без сознания находились уже годами напролёт — было что-то как будто неправильное и одновременно единственно верное: сообщить человеку, что рядом есть другой человек, несмотря на то, что их двоих, казалось бы, разделяет пропасть.

Марина надела перчатки и проверила катетер: приток чистый, шов сухой, без покраснения. Стерильной салфеткой смочила Артура уголки губ, мазком вазелина провела по трещинкам — привычный жест, почти домашний; так иногда старшие мажут губы ребёнку во время морозной погоды. Медсестра подняла свой взгляд на экран монитора: пульс 58, сатурация под маской — 94. Аппарат ИВЛ ровно толкал воздух в лёгкие пациента — настолько мягко, словно мать качала колыбель со своим чадом. Лампа ночника подрагивала: в коридоре наверняка снова прыгало давление в стояке.

Марина достала из кармана своего халата сложенную бумажку — отнюдь не потому, что не знала последовательность действий, а потому, что бумага помогала не ошибаться

там, где нельзя ошибаться, придавала дополнительную уверенность в своих манипуляциях. «Подготовить: выключить звуковую сигнализацию монитора; перевести ИВЛ в ручной режим; поставить маску кислорода на 4-5 л/мин (мост); отсоединить контур; наблюдение 10 минут; зафиксировать»...

Марина присела к кровати, чуть наклонилась к щеке Артура — послушать его. Вдох машинальный, выдох — тоже. Человек внутри этой «машины» казался далёким, как свет за бронированным мутным стеклом. Девушка прикоснулась пальцами к кисти Керина — та была тёплая. На секунду показалось: если чуть-чуть сжать ладонь мужчины, то он ответит. Это типичное «кажется» в профессии медсестры действует словно неожиданный сквозняк: порой прохватывает, но объяснить нельзя.

— Ваши родители придут утром, — сказала Марина, сама удивившись, что произнесла это как-то быстро, сходу, словно боялась, что не успеет. — Мы поговорим вместе с врачом. Простите, что я сегодня... только звонок. Простите.

Девушка поднялась и глубоко вдохнула. Подошла к монитору и отключила звук — послышалось короткое «пик», и наступила тишина. Коридор будто бы стал ближе. Марина перевела аппарат ИВЛ в ручной режим: экран моргнул, выдав обновлённую порцию технической информации. Поставила «мостик» — увлажнённый кислород к маске, выставила параметр «четыре литра». Подтянула ремешок на голове Керина, чтобы ему не давило. Всё оказалось сделано именно так, как их учили. Всё соответствует указаниям в протоколе.

— Будет мягко, — произнесла Марина и сама не поняла, кому именно это сказала.

Она остановилась на секунду. Внутри что-то упросило: «подожди». Даже не на минуту — на один-единственный вдох. Получилось как у пианиста перед новым ответственным аккордом: не из страха, а чтобы пальцы легли на клавиши максимально точно. Девушка ещё раз всмотрелась в лицо Артура — свет ночника подчёркивал впадины под его скулами и оставлял теплеющее пятнышко на лбу. На мгновение Марине

померещилось, что на этом пятнышке отразилась тень ресницы, и лёгкая дрожь пробежала по её спине: возникло ощущение, что кто-то наблюдает за её действиями, несмотря на то, глаза Керина были закрыты.

Марина отцепила коннектор, и машина перестала прокачивать лёгкие. Однако, маска продолжала давать кислород, что отображалось в тёплом шипении у лица пациента. Из-за того, что контур аппарата оказался отсоединён, в палате стало тихо. Насколько тихо, что было слышно, как открываются и закрываются сосуды самой Марины где-то у неё в ушах.

Она посмотрела на монитор. Линия пульса Артура напоминала змейку, медленно ползущую по земле. Сатурация плавно и последовательно поползла вниз: 93... 92... 91... «Сейчас, — подумала медсестра, — ещё чуть-чуть. Ещё одна минута». Её пальцы всё ещё лежали на поручне кровати: возможно, они хотели сделать что-нибудь, чего сделать было никак нельзя, потому что «решение уже принято».

* * *

Артур вернулся не через свет. Свет пришёл уже потом. Сначала был звук — тонкий и пронзительный, как царапанье иглы по пластинку, и откуда-то издали — тяжёлый, как поезд, который не видишь, но из-за которого земля дрожит под ногами. Этот звук не складывался в слова. Он был как ветер в кронах: слышишь его присутствие, но смысл ещё не пришёл.

Потом в орбиту восприятия пришло тело. Оно было каким-то огромным и чужим, лежало плоским камнем, который давно не переворачивали. Внутри камня ощущалась какая-то тянущаяся ниточка, как будто кто-то решил вытянуть Артура за невидимый волос. Ситуация напоминала старую сказку о репке: «Тянет-потянет — вытянуть не может...».

Керин попытался дёрнуть пальцем. Палец как будто не было. Вернее, он был, но где-то в теории. Точно как

в задачниках, о содержании которых ты знаешь, что «есть», но в реальности оно не проявляется.

Затем вернулись ощущения кожи. Сначала дал о себе знать лоб: колет, словно на него положили снег, только что принесённый с крепкого мороза. Потом проявились щёки: холод ощущался там, где должно быть тепло. Ещё позже «заговорили» губы: сухо, жжёт, хочется провести языком, но язык тоже камень. Затем «раздалось» горло: в нём как будто что-то стояло и чудовищно мешало, как огромная рыбная кость, недвигающаяся ни вверх, ни вниз. Артур попытался сглотнуть и понял, что не умеет этого делать. Его тело словно забыло о тех реакциях и манипуляциях, которые раньше были настолько естественными, что их ценность вообще не осознавалась.

Керин настойчиво хотел открыть глаза, но они были плотно закатаны куда-то внутрь. Он сказал самому себе мысленно: «Моргни». В ответ ничего не произошло. Артур повторил, но уже отчётливее: «Моргни!». Тяжесть на его веках ощущалась словно крышка какого-то сундука, на которую сверху ещё сели несколько алчных пиратов после грабежа очередного судна. Тем не менее, где-то в глубине организма, в крошечной щёлочке, что-то шевельнулось. Снова приказ «Моргни!». Щёлочка стала чуть шире. Свет пришёл, но какой-то серый, размытый, словно Артур смотрел сквозь воду.

Только через некоторое время стала проявляться боль; причём не острая, а какая-то вязкая, противная, словно привкус железа на зубах после того, как съеденные яблоки уже набили оскомину. Боль стала ощущаться сразу везде, но сильнее всего она давала о себе знать в груди: в том самом месте, которое сформировало у Артура привычку глубоко вздыхать на морозе. Он попытался глубоко вдохнуть и сейчас, но в ответ услышал какое-то шипение где-то у своего лица. Воздух входил в Керина совсем не так, как раньше: не по лестнице из носа в горло, а как-то размазано, словно через мокрую ткань. При этом ощущалось, что воздух был каким-то чужим.

* * *

Марина увидела, как цифры на приборе, ранее сползавшие вниз, вдруг дрогнули. 90... 89... и снова 90. Она прищурилась: что это — галлюцинация, возникшая на нервной почве? Провод? Сигнал? Перевела взгляд на пульс — кривая стала чуть выше. В ту же секунду появилось еле заметное движение на лице Артура: не дрожание кожи, не судорога, а как будто тень от ресницы при изменившемся освещении. Марина машинально отшатнулась на полшага, как от порога, за которым неожиданно оказался человек.

— Артур... — её голос сорвался. Она кашлянула и произнесла тише. — Артур Евгеньевич, вы меня слышите?

Она знала: согласно инструкции, делают по-другому. Сначала осмотр, вызов дежурного, фиксация, затем больного необходимо перевести обратно на аппаратный режим. Однако, несмотря на всю эту директивную информацию, которая была хорошо когда-то усвоена, голос девушки вырвался наружу раньше, чем началась очередная волна профессиональной рутины. Марина потянулась к стойке, чтобы подцепить контур ИВЛ назад, и замерла: сатурация — 91... 92... 93... Пульс — 58... 60... 62. Монитор не лгал. Хотя... Может быть, всё-таки, сбой?

Девушка наклонилась к лицу Керина. На его шее та самая синяя вена поднялась выше, чем раньше, ударила о кожу и спряталась. Один-единственный раз. Также дрогнули ресницы. Буквально на микрон. Однако, дрогнули.

Марина быстро ударила большим пальцем по красной кнопке вызова дежурного врача.

— В Девятую, срочно! Активность!

В трубке сипнуло «понял», и Марина вернулась к Артуру. Маска на лице шумела словно маленький журчащий водопад. Её рука машинально поправила ремешок — совсем не потому, что так нужно, — а потому, что руки должны хоть что-то делать, когда остальной мир делает что-то настолько необъяснимое, как организм пациента Керина.

* * *

Элементарное слово «моргнуть» пришло откуда-то как чей-то приказ, как команда из школьного детства: «Стой!». Артур сконцентрировал всего себя там, где его «я» ещё могло хоть как-то собраться — в крошечное тёплое пятно в самом центре головы. Вдох получился шумный, в ноздри ударил вонючий кислород, рецепторы языка ощутили металл... «Моргни», — повторил кто-то. Керин мысленно сжал ту же самую частицу, на которой смог акцентировать внимание, в кулак и толкнул куда-то вверх. Его веки пошевелились, и свет — какой-то серый, размазанный, мокрый... — стал чуть ярче. Сразу же стала ощутимой боль в глазницах: мышцы еле-еле двигались, будто заржавели, не хотели полноценно работать. Тем не менее, они послушались своего «хозяина».

Керин не знал, где он. Мир приходил в его восприятие какими-то отрывками: белое... зелёное... тёмное пятно слева... шипение... тонкое «пик» где-то вдалеке. Как будто кто-то плохо прогнал плёнку в проекторе, и она теперь заедает на одном и том же кадре.

Артур попытался вспомнить последнее, что видел до сегодняшнего дня. В том пространстве была тёплая кухня: приглушённая домашняя лампа, запах жареного масла, тошнотворный комок в горле от водки... Ветер ударяет занавеску. Сигарета дымится прямо на тарелке. Вода шипит в ванной. Рука тянется к выключателю, и... белое солнце, сминающее квартиру, как лист бумаги. Потом — ничего.

Керин захотел спросить — у кого-то незримого — «где?», но его горло было занято трубкой, а рот оказался полностью пересушенным. Он попытался сглотнуть, но кисловатая вода хлынула не туда, где глотают, а куда-то мимо. Тело кашлянуло, но полноценного кашля не получилось — в груди просто что-то болезненно сдвинулось.

* * *

В палату быстро вкатился дежурный — заведующий сменой, усталый, но достаточно расторопный. Вслед за ним примчалась санитарка Тоня. Врач глянул на монитор, маску стрелки увлажнителя.

— Что произошло? — задал он Марине до жути лаконичный вопрос.

— Перевела режим работы на «мост», готовила отсоединение, — Марина произнесла это так, как будто оправдывалась перед каким-то очень строгим и влиятельным персонажем. — Сатурация пошла вниз. Потом, наоборот, начался рост. Стал подниматься пульс... Ресницы... один раз.

Врач не ответил. Он уже наклонился с ручным фонариком над пациентом и своими ловкими пальцами приподнял тому веки. Узкий луч электрического света полоснул по каждому зрачку, и каждый из них неспеша, словно лениво сузился. Дежурный едва заметно кивнул.

— Вернём на аппарат, — резюмировал он. — Мягкий режим. Без лишних форсирований событий. Давай. И газы. Срочно!

Марина подцепила контур обратно: клипса вошла в гнездо с тихим щелчком, словно замок, которым давно не пользовались. Аппарат ожил, и лёгкие Керина начали исполнять едва заметный «танец». На мониторе линия дыхания стала ровнее и при этом ритмичнее. Врач приставил стетоскоп и послушал пациента с левой и с правой стороны.

— Есть собственное усилие, — бросил он слова как будто наотмашь. — Посмотри на кривую — процесс «тащит» не только машина.

Марина смотрела очень пристально. На экране к серебристым «волнам» от ИВЛ иногда пристраивался маленький неправильный зубчик; он напоминал подпись ребёнка, которую тот зачем-то поставил рядом с автографом кого-то из взрослых. Пациент Керин, действительно, дышал. Понемногу, порциями, но дышал. Сам.

— Давление? — спросил врач и нацепил манжету Артуру на руку. Тонومتر задумчиво запыхтел. — Ага, нормальное... Ну-ка, Артур Евгеньевич... — Опытный эскулап наклонился ближе к пациенту:

— Если слышите меня, то попробуйте сжать мою руку.

Марина подумала: «Рано», но промолчала. Врач — всё-таки не провидец и не чудотворец, он просто фиксирует всё, что происходит по факту.

Рука Керина не шевельнулась, лицо тоже осталось без движения. Тем не менее, Артур снова попытался моргнуть, и на этот раз его веки дрогнули заметнее.

— Запиши: есть реакция на свет, попытки моргания, стабилизация сатурации, — диктовал врач. — И сыворотки — по схеме: глюкоза, витамины, антикоагулянты. Потом — КТ. Если динамика к утру сохранится, то переведём на плановое восстановление.

Дежурный поднялся и сделал шаг уже не к пациенту, а к Марине. Его взгляд на еле уловимую секунду стал не совсем рабочим.

— Хорошо сработала, — коротко оценил он. В этих словах не было ни восторженной похвалы, ни какого-то особенного тепла; ими просто констатировался факт. Тем не менее, прозвучал такой факт, от которого девушке стало гораздо легче дышать.

Когда врач вышел на пост, чтобы дать персоналу указания насчёт анализов, в палате Керина стало очень тихо, царила почти интимная атмосфера. Шипел увлажнитель, редкое пиканье устройства отмечало капли времени. Марина осталась рядом с Артуром: этого не требовала инструкция, но девушка была убеждена в том, что уйти сейчас было бы абсолютно неправильным действием, по смыслу похожим на ту ситуацию, в которой твой малолетний ребёнок первый раз в жизни пошёл своими ногами без поддержки, а ты резко разворачиваясь и выходишь куда-то, в неизвестном для него направлении.

Сердобольная девушка присела на край стула и снова стала внимательно всматриваться в лицо своего неожиданно

ожившего пациента, в самые мелкие, казалось бы, незначительные детали: в то, как кожа возле одной из скул едва заметно вздрагивает на вдохе, как маленькая синяя жилка на виске иногда поднимается и т.д. В голове у Марины билась одна главная мысль — не фраза даже, а ощущение: «Вернулся». Не «ожил», не «вышел», а именно это: человек, который был где-то очень далеко, внезапно сделал шаг обратно, в их общий привычный мир.

* * *

Слова приходили к Артуру отрывистыми звуками, раздававшимися словно сквозь толстую стену. «...здесь... больница... долго... нормально...». Он попытался собрать нанизать их на единую нитку смысла, но эта символическая нитка то и дело рвалась. Тем не менее, в чьих-

то словах оказалось обозначенным главное — просьба «Не пугайтесь». Артур непременно бы усмехнулся в ответ на это, если б только мог сделать это сейчас. Дело в том, что страх тоже был каким-то чужеродным, потусторонним. Как и воздух, и свет, и даже собственное тело. Только где-то внутри пытался разгореться какой-то маленький, но очень важный огонёк — то ли сила мысли, то ли природное упрямство, то ли жажда жизни. Жизни, которую изрядно потрепали, но не смогли уничтожить.

Керин снова попробовал моргнуть, и на этот раз у него получилось несколько лучше. На несколько секунд слева от него проявилось чьё-то лицо — размытое, не в фокусе, но очевидно живое: рыжие волосы под колпаком, тёплые и внимательные глаза... Оно было достаточно близко — как у тех, кто не боится близости.

* * *

Марина поднялась со стула, который находился рядом с больничной койкой. Её руки снова стали деловито целенаправленными: медсестра проверила фиксацию трубки, внимательно осмотрела швы, выровняла простыню, записала обновлённые показатели. Примечательно, что все эти движения были уже другими — такими, как будто в этот мир вернулась физика, а не только арифметика. Она поймала себя на мысли: «Вот теперь страшно по-настоящему». Там, где она выключала аппараты, по большому счёту, всё уже было решено. Теперь же страшно вдвойне — в том пространстве, где никто не знает, что будет с этим «проснувшимся» человеком через час. Страшно от непонимания того, как именно она может повлиять на его спасение; страшно от незнания того, не сделают ли ему хуже, чем было раньше.

— Я побуду с вами, — урезонивая поток нервирующих мыслей, сказала Марина и задалась вопросом: кому она это, собственно, обещает — пациенту Керину или себе.

Врач заглянул ещё раз, коротко кивнул: «Стабильно». Ушёл без каких-либо сантиментов. Коридор за дверью слегка пошумел разрежёнными ночными передвижениями небольшого персонала. В палате снова установилась привычная уже картина: шипение, редкие «пики», и тёплое дыхание маски у лица. Время двигалось дальше.

Марина присела на стул и неожиданно вспомнила о том, как её бабушка, когда внучка была маленькой, гладила её по лбу и шептала: «Пока я рядом, ничего плохого не произойдёт». Это было смешно и неправда, но ребёнок верил этому безоговорочно. Возможно, человек, лежащий сейчас в палате, верил бы тоже. Однако, Марина не стала успокаивающе

прикасаться к нему: профессиональная дистанция сдерживала её руки. Тем не менее, она в очередной раз произнесла:

* * *

Где-то очень далеко, за стеной, за несколькими дверями, в кабинете с облупленным сейфом главврач положил трубку после очередного разговора по внутренней связи и долго смотрел в пустой экран выключенного телевизора. Он не знал, что в девятой палате кто-то сделал вдох сам. Он просто сидел и думал о том, как иногда математика уступает место чуду, а чудо — маршруту реанимации.

Марина этого тоже не знала. Она просто сидела на стуле и словно считала секунды между своими обещаниями «я рядом», чтобы не быть пустословной. Время становилось более плотным, как шерстяной шарф зимой: в нём можно дышать, если делать это аккуратно.

Артур лежал на спине, прислушиваясь к окружающему его миру. Звуки переставали быть непонятным свистящим ветром и обретали осмысленные формы. Свет собирался в пятно, в котором угадывалось лицо. Воздух, который казался чужим, становился терпимым. Боль не уходила, но переставала кричать.

Керин не знал, что ждёт его теперь: другой год, другая страна, другая судьба... Пока он знал только то, как моргнуть. Пока что этого оказалось достаточно для того, чтобы мир, который уже начинал отмечать в его биографии очередные даты и подписи специалистов, перестал вторгаться в его восприятие силой и сделал некоторую паузу.

Марина поднялась, поправила одеяло и глянула на часы.

— 22:47, — сказала она вслух, просто чтобы закрепить стабилизировавшийся мир на месте, чтобы он никуда не соскользнул и не рухнул.

Она вышла на пост за новой порцией растворов и вернулась через несколько минут. Перед дверью, где находился

Артур, девушка снова остановилась на несколько мгновений — как и в тот раз, когда уже собиралась проводить его в иные миры. Для неё уже стало привычкой — проверять себя, прежде чем войти туда, где жизнь решается вновь и вновь.

Марина нажала на ручку. В палате слышалось всё то же шипение, успокаивал тот же мягкий свет. Только на мониторе сатурация держалась на отметке «94»; и линия пульса была уже не лениво ползущая, а упругая, словно струна, на которую кто-то осторожно, но вполне целенаправленно положил свой палец.

Утро выдалось серым и тихим. Над больницей № 1 им. Кабанова А.Н. стелился тонкий туман, будто сама природа не решалась разбудить город после вчерашнего. Анна и Евгений Керины прошли через проходную, поздоровались с охранником и расписались в журнале. В руках у матери — тёплая шаль, старая, ещё довоенная, пахнущая домом, хлебом и свечами. Отец шёл рядом, сутулясь, словно нес на плечах что-то тяжёлое, невидимое.

Навстречу им вышла Марина — всё та же рыжеволосая медсестра, но теперь лицо её было напряжённым. Она шагнула к ним и, немного замаявшись, сказала:

— Евгений Николаевич, Анна Васильевна... — Голос дрогнул. — Есть новости. И хорошие, и плохие. С какой начать?

Мать сжала шаль крепче, взгляд её блуждал по лицу медсестры, как будто ища в нём подсказку. — С хорошей... — прошептала она.

Марина выдохнула. — Хорошая новость в том, что у Артура вчера поздно вечером началась спонтанная активность. Приборы зафиксировали собственное дыхательное усилие, улучшение насыщения крови кислородом, реакции зрачков. Это значит... — она нашла взгляд Анны и закончила: — Он выходит из комы.

Анна прикрыла рот ладонью, как будто боялась закричать. Отец стоял неподвижно, только моргнул несколько раз и коротко выдохнул: — Слава Богу.

Марина продолжила, уже осторожнее: — Но... плохую новость лучше обсудить с главным врачом. Он вас ждёт. Пройдёмте, пожалуйста.

— Нет... — Анна шагнула вперёд, будто не слыша её. — Сначала к сыну. Я хочу его видеть. Пожалуйста...

Марина колебалась. Её учили — не пускать родных до заключения врача, но в этот момент она не могла отказать. Кивнула.

— Хорошо. Только ненадолго.

Коридор тянулся бесконечно, гулкий, пахнущий хлоркой и старым деревом. Их шаги отзывались, как удары сердца. Марина шла впереди, толкнула дверь. В палате стоял приглушённый свет. На кровати — Артур. Тело худое, бледное, лицо будто высечено из воска. Но веки дрожали. Монитор рядом выдавал размеренный ритм, слабый, но живой.

— Сыночек... — прошептала Анна. — Сыночек мой... — Она подошла, рухнула на колени, взяла его руку. Тёплую. Настоящую. Слёзы хлынули мгновенно. — Я знала... знала, что Бог не оставит...

Артур слышал. Всё. Голоса, рыдания, запах её духов, дрожь воздуха. Он хотел ответить, крикнуть: «Мама!», но язык не слушался. Веки были тяжелы, как свинец, тело будто не его. Только сердце билось — чужое, но живое.

«Я здесь...» — думал он. — «Я жив...»

Евгений стоял у изголовья, держась за металлический поручень, будто поручень был поручнем трапа на судне, а палата — качающейся палубой.

— Артур, — сказал он, и голос у него сорвался на хрип. — Держись. Мы рядом. Мы никуда не уйдём.

В палату вошёл дежурный врач — сухощавый, с седыми висками, в очках на тонкой оправе. Следом — Марина, которая не уходила дальше порога, будто охраняла тишину.

— Можно... — Анна подняла на врача покрасневшие глаза. — Скажите... Он нас слышит? Он видит? Он очнулся?

Врач подошёл ближе, кивнул Марине — та подала фонарик. Он осторожно приподнял Артуру верхнее веко и посветил. Зрачок, лениво, но послушно, сузился.

— Реакция на свет есть, — сказал врач сдержанно, но в голосе возникла слабая, почти невольная радость. — Это хороший признак. Он между сном и бодрствованием. Точнее — между комой и ясным сознанием. Мы называем это «минимальное сознательное состояние». Человек может слышать, иногда — различать знакомые голоса, но тело ещё «вспоминает», как двигаться и говорить. Это... процесс.

— Он понимает, что это мы? — Анна наклонилась ближе, едва не касаясь щекой его маски. — Он знает, что это мама?

— Вероятно, узнаёт голоса, — ответил врач. — На этот счёт есть исследования: мозг сначала «включает» слуховые дорожки на знакомые звуки. Но это не та узнаваемость, как раньше: не «я вижу тебя», а «я слышу, и это меня держит». Это важно. Говорите с ним. Спокойно, без крика. Называйте по имени. Это помогает.

Евгений кивнул.

— Надолго так будет? — спросил он, уже не шёпотом, а как спрашивают инженеры у механиков: прямо, по делу. — Сколько займёт... возвращение? Недели? Месяцы?

Врач снял очки, протёр их краем халата, снова надел. Он не любил отвечать на этот вопрос, потому что у него не было одного правильного ответа.

— Восстановление после такой длительной комы — это всегда марафон, а не рывок, — произнёс он. — Дни, недели, месяцы. Иногда — годы. Нейропластичность мозга — вещь упрямая, но медленная. Мы будем помогать: физиотерапия, логопед, лечебная физкультура. Придётся заново учиться глотать, сидеть, держать голову, потом — стоять. Говорить... Точно сказать нельзя.

— Он будет прежним? — Анна произнесла это так, будто языком коснулась раны. — Как раньше? Он... он всё вспомнит? Он вернётся? Наш Артур?

Врач на секунду опустил глаза. Марина стояла неподвижно, и только пальцы у неё в карманах едва заметно теребили шов халата.

— После десяти лет... — тихо начал врач. — Полного «как раньше» почти не бывает. Но бывает «достаточно хорошее»,

«самостоятельное», «узнающее близких», «думающее». Это правда. Бывает и иначе. Мы не торгуем обещаниями. Мы работаем с тем, что видим: сегодня мы видим мозговую активность, спонтанное дыхание, реакцию зрачков. Это очень много для первой ночи. Дальше — реабилитация. И — ваше присутствие. Это не красивая фраза, это часть лечения.

Анна кивала, не отрывая взгляда от лица сына. Слёзы текли по щекам, намокали на краю шали. Она положила ладонь на его лоб, как в детстве, когда он приходил с улицы, шмыгая носом, а она проверяла — не жар ли.

— Мальчик мой... — шептала она. — Ты слышишь маму? Мы рядом. Господь не оставил. Я знала. Я знала, Артур, я молилась за тебя каждый день, каждый...

Артур пытался поймать слова, как ловят крупинки в воде ладонями. «Мама... рядом... Господь...» Он хотел улыбнуться — лицо не слушалось. Он попробовал — изнутри — моргнуть. Веки дрогнули охотнее, чем ночью. Тень ресницы качнулась.

— Видите? — Марина шагнула ближе. — Он реагирует, когда вы говорите. Чуть-чуть. Но это не случайность.

Евгений постоял молча. Он смотрел не на приборы и не на швы, а на то, что врач назвал «собственным усилием». На экране линии ИВЛ шли ровно, как ноты, и иногда рядом, неритмично, проступал маленький зубчик — как подпись ребёнка рядом со взрослой: «я тоже».

— Доктор, — сказал он после паузы. — Скажите прямо. Опасность... есть? Сейчас.

— Всегда, — ответил врач честно. — Инфекции, пролежни, тромбозы, нарушения сердечного ритма, аспирация. Мы всё это знаем и предугадываем. — Его состояние нестабильно, но улучшение реальное. Это... невероятно. За двадцать лет работы это третий подобный случай выхода из такой затяжной комы.

Анна перевела взгляд на Марину.

— Можно я... — она смущённо улыбнулась. — Можно я поцелую его?

— Только аккуратно, — кивнула Марина. — Вот сюда, на лоб, и коротко. Маску не смещайте. И не плачьте прямо ему на лицо — соль раздражает кожу.

Анна наклонилась и быстро коснулась губами его лба. Тепло. Тепло! Она едва не всхлинула громко, но сдержалась, прижала шаль к губам, чтобы звук не вышел.

— Он пахнет, — сказала она спустя миг и сама удивилась своим словам. — Пахнет, как Артур. Я... помню этот запах.

— Память — хитрая, — улыбнулся врач и тут же спрятал улыбку. — Она всегда идёт впереди нас на шаг и иногда вытаскивает оттуда, где мы потерялись.

Марина посмотрела на часы. — Давайте, я проведу вас к главному врачу. Он всё объяснит. Артуру нужен покой.

— Я не уйду, — упрямо сказала Анна. — Я... тут.

Евгений положил руку ей на плечо — старой, натруженной ладонью, в которой было столько силы, что под этой ладонью и любой болт откручивался, и любая жизнь согревалась.

— Пойдём, — тихо сказал он. — Мы должны услышать. Артур... — он наклонился ближе, — мы сейчас вернёмся. Слышишь? Никто тебя не оставит.

— Я знала, что ты вернёшься. — Уходя, сказала Анна.

Когда дверь закрылась, Артур остался в тишине. Веки снова опустились. Сквозь шум капельницы и мерный писк монитора он слышал, как сердце матери отдаляется, как звуки растворяются в глубине сознания. Где-то далеко, в другом мире, кто-то плакал от счастья. А он — просто дышал.

Кабинет главного врача встретил их тёплой электрической лампой под зелёным абажуром, горкой бумаг на краю стола и старым телефоном с раскатанным витым проводом. В окне — матовый ледяной узор: ночной мороз к утру оттаял, но следы оставил. На стене висели выцветшая диаграмма инфекций за прошлый год и две грамоты о «многолетней добросовестной службе». Всё было до боли обычным, как будто в таких комнатах сами стены учатся говорить: «Решений много не жди, но держись».

Главврач — Владимир Сергеевич — поднялся навстречу, поздоровался крепко, как рабочий, и кивком предложил садиться. Марина встала сбоку, чуть позади Анны, как будто готова была подхватить её, если та ослабнет.

— Прежде всего, — начал Владимир Сергеевич, раскладывая на столе две тонкие истории болезни, — хочу вас поздравить. Ночь дала нам то, чего мы давно не видели. Ваш сын проявил устойчивую самостоятельную активность. Мы перевели его с полной аппаратной поддержки на щадящий режим, показатели стабилизируются. Это хорошая новость. Настоящая.

Анна прижала к груди шаль, снова кивнула — часто, благодарно.

— Слава Богу, — сказал Евгений коротко.

Главврач был из тех, кто держит паузу перед трудным предложением. Он перевёл взгляд на папку «Смета — I квартал» и, словно взвесив слова, продолжил:

— Теперь о втором. Это неприятно, и мне самому тяжело об этом говорить. Но я обязан. Вы знаете, страна переживает... — он поискал нейтральное слово, — трудности. Наше

отделение попало под сокращение финансирования. Ночью пришло подтверждение: лимиты урезаны. Существенно.

Он положил ладонь на смету, будто прикрыл тонкую бумагу от сквозняка.

— Поддержание пациентов в длительном уходе — это дорогая история. Кислород, расходники, питание через зонд, лекарства, анализы, минимум трёх профильных специалистов ежедневно, плюс сестринский пост. На фоне сокращений — наша математика не сходится. Если говорить прямо, нам нужно софинансирование со стороны семьи. Иначе мы... — он не договорил. — Иначе мы не вытянем.

Слова повисли, как тяжёлые мокрые полотенца.

Анна заморгала чаще, вскинула голову:

— Мы... дадим. Мы дадим, сколько нужно, — сказала она быстро, почти радостно, как будто выиграла в лотерею. — Женя, скажи.

Евгений кивнул, но не сразу.

— Сколько? — спросил он ровно.

Главврач сдвинул к себе лист, где столбиком были набросаны цифры.

— Месячное содержание — ориентировочно два — два с половиной миллиона рублей по текущим ценам. Плюс расход на реабилитацию, когда переведём из реанимации: физиотерапия, ЛФК, логопед. Это ещё. Я не называю верхнюю планку — потому что её нет. Первые месяцы — самые затратные.

Анна кивала, всё ещё — на автомате, ещё в состоянии «мы сможем всё».

— Мы найдём, — торопливо сказала она. — Мы продадим, мы... у нас есть швейная машинка «Зингер», старинная, хорошая... Кольца... крестильный сервиз бабушки... — Она оглянулась на Евгения. — Женя, скажи, мы же... мы же найдём?

Евгений медленно потер виски. Было видно, как он внутри себя переводит дыхание и считает, как привык считать на заводе: без эмоций, через детали.

— Машинку я продал позавчера, а сервиз уже продан как 2 месяца — он глянул на Анну, помолчал.

Владимир Сергеевич не отводил глаз. Он не любил эту часть работы — когда медицина превращается в бухгалтерию, а сострадание — в сметы.

Анна опёрлась ладонью о край стола, будто ей неожиданно стало тесно в комнате.

— Но вы же не можете... — произнесла она хрипло. — Вы не можете... остановить. Он же вышел, вы сами сказали... Он же дышит! Это... это чудо!

— Мы не хотим ничего «останавливать», — жёстче обычного сказал главврач. — Мы хотим — лечить. Но есть вещи, которые сильнее нашего желания. Я не закрываю двери. Я спрашиваю: сможете ли вы участвовать. Хоть частично. Хоть на первый месяц. Мы попробуем дотянуть, где можно. Но я должен понимать.

Анна растерянно опустилась на край стула. Шаль сползла на колени.

— Женя... — прошептала она. — Женя, я... Я отдам всё. Пусть возьмут квартиру... — Она произнесла и испугалась собственной фразы. — Нет. Куда мы... Мы же... Господи...

Марина осторожно придвинула к ней стакан воды. Анна взяла, но не пила.

Евгений заговорил медленнее, будто каждое слово тащил по песку.

— Если честно, — сказал он и вдохнул, — я не знаю, как. Я пойду по знакомым, устроюсь на третью работу. Я попрошу у начальника аванс. Я... — он поднял взгляд на главврача, — я не прошу милости. Я прошу времени. Неделю. Две. Я найду. Но прямо сейчас — не принесу и миллиона. Это правда.

Главврач кивнул. Он уважал эту правду.

— Я понимаю, — ответил он. — И я не ставлю ультиматум. Мы сейчас держим вашего сына. Мы держали его десять лет, будем держать и дальше, пока можем. Но система требует ответов уже сегодня. Поэтому я говорю с вами сейчас, а не в последний день.

Анна всхлипнула.

— Послушайте, — вдруг сказала она, подняв глаза — неожиданно твёрдые. — А если... — Она замялась. — Если... церковь? Я пойду к отцу Алексею. Мы... устроим сбор... Лотерею... Я стану дояркой, прачкой... — Она улыбнулась, даже на секунду. — У меня руки быстрые.

Анна кивала слишком поспешно, как человек, который хватается за любые слова — лишь бы не молчать.

Главврач кивнул с пониманием, но в его взгляде сквозила обречённость.

— Я не хочу ставить вас перед невозможным выбором. Просто должен быть реалистом.

В кабинете повисла тишина. Только часы на стене тикали всё громче, будто били молотком по нервам.

Анна вдруг всхлипнула:

— Мы справимся. Ради него всё. Господь помог один раз — поможет и снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.